

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

БЕРСЕРКИ
[МЯТЕЖ НА ОКРАИНЕ ГАЛАКТИКИ]

Берсерки

Роман Злотников

Мятеж на окраине галактики

«Автор»

Злотников Р. В.

Мятеж на окраине галактики / Р. В. Злотников — «Автор»,
— (Берсерки)

Системы ПВО Соединенных Штатов и России уничтожены, прочие страны не успели оказать сопротивление, города повсюду обращены в руины – Земля, очередная планета на пути канскебронов, космических захватчиков, подвергнута стандартной процедуре, которая заключается в полном уничтожении существующего варианта цивилизации и жестком структурировании оставшегося генофонда. Уцелевшие земляне должны либо покориться и стать рабами пришельцев, забыв обо всем, что было до Обращения, либо попытаться выжить в жесточайших условиях. По опыту канскебронов, дикая популяция быстро вымирает. Однако на сей раз, впервые за всю историю Единения, что-то пошло не так: группы неприрученных аборигенов не только не одичали, но и сохранили остатки технологий и военной техники, а у землян нового поколения проявляется древний дар берсерков – способность чувствовать верные поступки и использовать скрытые ресурсы организма в состоянии боевого транса...

© Злотников Р. В.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Часть I	9
1	9
2	14
3	19
4	24
5	29
6	34
7	39
8	44
9	50
Часть II	55
1	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Роман Валерьевич Злотников

Мятеж на окраине галактики

Пролог

Генерал-майор Семен Никитич Прохоров дослуживал последний год. Вообще-то выслуги у него хватало. Поскольку служить он начал еще в войну, десятилетним пацаном. Бойцы 547-го зенитно-артиллерийского дивизиона подобрали его в развалинах на окраине освобожденного Киева. С тех пор вся его жизнь была прочно связана с войсками ПВО. Сын полка, вечерняя школа, срочная, а затем и сверхсрочная служба, экстернат военного училища и весь букет превратностей жизни дальних гарнизонов – вот из чего складывалась его судьба.

Впрочем, то время генерал Прохоров всегда вспоминал с удовольствием. Служить было не только интересно (в войска бурным потоком шла новая техника, осваивались такие дальности и высоты, которые в военные годы считались невероятными), но и престижно. В обнищавшей после тяжелой войны стране военные в глазах многих были такими островками благополучия.

Но во все времена военная служба требует от любого, кто избирает эту стезю, гораздо большего, чем любая другая область человеческой деятельности. А потому семейная жизнь у Семена Никитича так и не сложилась. Первая жена, крепенькая и грудастая медсестра-хохотушка из дальнего сибирского городка, предпочла лейтенанту-зенитчику военврача гарнизонного госпиталя. Однажды Прохоров вернулся домой после очередного многосуточного боевого дежурства и застал в доме только голые стены. Любимая женушка и рачительная хозяйка умудрилась вывезти из снимаемой ими квартирки даже громоздкую двуспальную кровать с железной сеткой и блестящими никелированными шариками на спинках. Лет через двадцать, уже будучи в немалых чинах, Семен повстречал свою первую любовь. Та нарочито обрадовалась, прослезилась, а в конце их короткой случайной встречи попыталась изобразить вспыхнувшую страсть и агрессивно намекнула на возможность обратного развития событий. Муж-военврач на дармовом спирту окончательно спился, да и за все это время смог взобраться всего лишь на пару ступеней служебной лестницы. Но Семен к тому времени уже приобрел некоторую сноровку в обращении с женщинами, а потому сделал вид, что никаких намеков напрочь не понимает, и быстренько ретировался. Вторая жена, учительница одной из окраинных московских школ, с которой он познакомился во время учебы в академии, сбежала от него после третьего года жизни в дальнем гарнизоне посреди глухой уссурийской тайги. С той поры Семен так и жил бобылем, отдавая службе все свое время.

Потому, наверное, судьба и вознесла военного сироту, не имевшего никаких связей и знакомств, до генеральских чинов. Служба была для него даже не смыслом жизни, а самой жизнью. И он не мог представить себе, что наступит день, когда, поднявшись утром, привычно сделав зарядку и облившись ледяной водой, он достанет из старого скрипучего трехстворчатого шкафа, сменившего вместе с ним добрую дюжину гарнизонов, не форму, а некое партикулярное платье и, напившись крепкого до черноты чаю, сядет у старенького телевизора размышлять о том, чем же занять долгий, пустой день. За последние десять лет привычный мир как-то внезапно и быстро полетел ко всем чертям. Давние враги вдруг стали считаться лучшими друзьями и образцом для подражания, а друзья активно и деятельно начали перекрещиваться во врагов. То, что в любом нормальном государстве всегда считается одной из первейших забот этого самого государства, внезапно превратилось во вредный пережиток старого режима, армия стала нищать и разваливаться. От всего происходящего у генерала Прохорова воротило душу. Чего он в общем-то ни от кого и не скрывал. Это не прибавляло ему попу-

лярности в глазах начавшего неожиданно быстро меняться руководства. Но он был едва ли не самым опытным дежурным генералом и благодаря уже более чем почтенному возрасту не представлял никакой опасности карьерного роста для новоявленных лизоблюдов. И потому Семена Никитича терпели на службе, неизменно ставя на дежурство в наиболее ответственные моменты.

Сегодня дежурство выдалось скучным. Прохоров придирчиво проверил форму у заступавшей смены, обошел все помещения, пару часов погонял вторую и третью смену на компьютерном тренажере, базовый процессор которого был получен отнюдь не благодаря, а как раз вопреки активным усилиям новоявленных «заклятых друзей». Потом удалился в комнату отдыха, чтобы, сняв начищенные до блеска сапоги (окружающие считали эти сапоги вызовом придурковатого старикана новым порядкам, на самом деле пристрастие к сапогам объяснялось лишь давней привычкой Семена Никитича, у которого от неудобных форменных ботинок быстро разбалчивались ноги), попить своего фирменного крепкого чайку, как вдруг на пороге возник старший оператор службы ДРЛО.

– Товарищ генерал... там это... множественные цели...

Прохоров окинул подполковника сердитым взглядом – тот выглядел растерянным, если не сказать ошарашенным, и, наклонившись к стоящим у стола сапогам, ворчливо пробурчал:

– Что значит множественные? Доложите внятно: сколько, откуда, скорость сближения, как идентифицированы?

Подполковник глухо ответил:

– Там непонятно, товарищ генерал. БИС выдает данные почти на сорок тысяч целей...

– Что?! – Прохоров вскочил с кресла и как был, в одном сапоге и одном тапке, рванул к центральному пульту.

– Что здесь творится?

Один из молодых офицеров с возбужденно горящим лицом пробормотал:

– Непонятно, товарищ генерал, то ли сбой, то ли... пришельцы. – И, чтобы этот суровый старик со скверным характером не принял его за полоумного, торопливо пояснил: – Мы засекли схожие цели практически по всему северному полушарию, да и «Космонавт Волков» передает из Южной Атлантики, что у них там творится то же самое. К тому же похоже, что векторы сближения всех целей начинаются на орбите.

Прохоров ошарашенно моргнул, но тут же взял себя в руки и, не замечая, что он по-прежнему только в одном сапоге, торопливо занял свое место.

Спустя десять минут он раздраженно бросил на рычаг трубку телефона с двуглавым орлом на месте номеронабирателя, зло скривился, повернулся в кресле и недрогнувшей рукой откинул прозрачный колпак из прочной пластмассы, повернул вверх ярко-алый старомодный тумблер. Под сводами противоатомного бункера, в котором располагался командный пункт, завывли сирены. И каждый из тех, кто находился в этом бункере, отчетливо осознал, что в то же самое мгновение точно такие же сирены воют в десятках и сотнях подобных бункеров, в боевых рубках кораблей, над ракетными капонирами и затерянными в тайге аэродромами. Семен Никитич окинул взглядом повернувшиеся к нему белые лица и, сурово поджав губы, глухо произнес:

– Ну что ж, сынки, для этого мы с вами здесь и сидим.

В этот момент какой-то капитан, суетливо стянув с головы гарнитуру связи, вскочил на ноги и заорал срывающимся фальцетом:

– Что вы творите, старый дурак! Это же первый контакт человечества с внеземным разумом. А вы собираетесь садить по ним ракетами с нейтронными боеголовками...

Прохоров демонстративно расстегнул кобуру, достал легонький генеральский ПСМ и рывкнул на капитана:

– Сесть! Заткнуться! – Потом, чуть сбавив тон, ответил: – Ни по кому я ничем садить не собираюсь. Во всяком случае до того момента, пока они не начнут садить по нам...

Но закончить свою мысль ему не удалось. Свет в помещении внезапно мигнул, а потом и вовсе погас. Одновременно погасли и все экраны. В темноте кто-то тихо прошептал: «Ой, мама дорогая!» Бетонный пол бункера вздрогнул, и снизу послышался низкий гул разгоняющихся резервных дизелей. Экраны вновь осветились неярким зеленоватым светом. Спустя мгновение от одного из постов послышался сдавленный всхлип и срывающийся голос выкрикнул:

– Они бомбардируют Москву!!!

А спустя секунду:

– И Питер!..

– Екатеринбург...

– Челябинск...

– Мурманск...

– О, суки! Владивосток накрыло!

Генерал Прохоров прикрыл глаза, протянул руку и надавил на большую красную кнопку, расположенную в одной ячейке с уже включенным тумблером, а потом откинулся на спинку кресла. Он сделал все, что мог, и дальнейшее от него больше не зависело.

Трехзвездочный генерал Боб Эмерсон разглядывал мокрое пятно на левой брючине. Полминуты назад «Гору» изрядно потрянуло, и легкий пластиковый стаканчик, который приволок ему лейтенант в последние минуты еще той, мирной жизни (подумать только, с того момента прошло не более получаса), опрокинулся и украсил его штанину остатками недопитого кофе. Генерал Эмерсон считался отъявленным занудой и педантом, но даже он не мог позволить себе роскоши расстраиваться из-за испорченных брюк больше, чем пару мгновений. Генерал оторвал взгляд от брюк и повернул голову в сторону большого, во всю стену, многосекторного экрана.

– Что там новенького, Денни?

Сухопарый полковник торопливо ответил:

– Похоже, мы остались в одиночестве, сэр. Вашингтон не отвечает. И, судя по картинке со спутника, там не осталось ни одного целого строения. А на месте Пентагона вообще здоровенная дыра, быстро заполняющаяся водами Потомака.

Эмерсон сосредоточенно кивнул:

– А как там дела у русских?

Полковник слегка искривил губы в раздраженной усмешке. Конечно, генерал уже в том возрасте и звании, когда человек имеет право на капельку маразма, но с этими русскими он уже перегибает. В конце концов, Эмерсон ни разу не поинтересовался, как дела у союзников, а вот про русских спросил уже, наверное, раз двадцать пять.

– Как и везде. Пытаются сопротивляться, но... По самым приблизительным оценкам, у них разрушено девяносто процентов основных промышленных центров.

Генерал усмехнулся.

– Да, мы все в одном и том же дерьме.

Откуда-то из дальнего угла вдруг послышался вопль, и офицер, вскочив на ноги, заорал со слезою в голосе:

– Почему, почему они так с нами поступили?!

Эмерсон вздохнул – это был уже седьмой – и, привычно махнув рукой медицинской команде, снова повернулся к пульту. У него осталось всего пятнадцать процентов противоракет, от которых, правда, не было никакого толку. Кроме того, система обороны Североамериканского континента потеряла восемьдесят процентов наземных радиолокационных станций,

большую часть спутников и практически все самолеты-перехватчики. По существу, НОРАД перестала существовать.

Вдруг полковник удивленно присвистнул:

– Сэр... русские запускают свои баллистические ракеты и подрывают их на высоте сорока километров над своими крупнейшими городами. Они сошли с ума!

Эмерсон подался вперед.

– Я не думаю, Денни. Подождем пару минут.

Через некоторое время генерал удовлетворенно усмехнулся:

– Они меня не разочаровали. Как видишь, Денни, несмотря на твой скептицизм, эти ребята нашли способ поджарить несколько задниц нашим врагам. По-моему, эти пятнадцать целей единственные, которые удалось сбить над Землей.

Полковник кивнул:

– Да, но, сэр, только лишь над северным полушарием висит около сорока тысяч целей. А повторить этот трюк второй раз уже вряд ли кому удастся.

Эмерсон хмыкнул.

– Это так, Денни, мы проиграли. Но... все только начинается. Я не думаю, что люди когда-нибудь согласятся на то, чтобы оказаться бессловесными рабами каких-нибудь паукообразных тварей. А судя по тому, каким образом *эти* появились на Земле, вряд ли они готовят нам нечто иное. – Генерал повернулся на кресле и, бросив взгляд на большой экран, пробормотал: – А по этому поводу нам, пожалуй, стоит кое-что предпринять. Денни! Соедините меня с «Риасникоффо».

Тот понимающе кивнул. Так назывался командный пункт системы ПВО России. Отдав распоряжение связистам установить закрытый канал, полковник, осторожно подбирая слова, обратился к генералу.

– Сэр... но все-таки, почему русские? Мне казалось более разумным связаться с кем-нибудь из наших союзников. В конце концов...

Но Эмерсон не дал ему закончить.

– Денни, когда я начинал служить, русские были единственными, кто так или иначе мог бы надрать нам зад, как, впрочем, и мы им тоже. – Генерал улыбнулся воспоминанию. – Но дело не в стереотипном мышлении старого маразматика. Просто в историческом масштабе мы – нация-однодневка. И такими же считаем остальных, в том числе и русских. В мое время их называли только «комми». А сейчас – сборищем воров и бестолочей. А ведь им, как нации, уже больше тысячи лет. И я узнал много интересного, когда попытался разобраться, как они прожили эту тысячу лет. Хочешь знать, к какому выводу я пришел? – Генерал помолчал, как будто ожидая ответа. Но оба понимали, что вопрос чисто риторический. – Так вот, за все время существования этой нации их не один раз побеждали в войнах или даже завоевывали. Но, как только это происходило, русские вставали на дыбы и не успокаивались, пока не вгоняли последний гвоздь в гроб того государства или народа, что посмел обойтись с ними подобным образом. Поэтому я не верю, что они так уж сильно изменились, что бы с ними ни происходило в последнее время.

Полковник задумчиво рассматривал почти погасший большой экран, где нападающие продолжали планомерно уничтожать спутники наблюдения. Потом кивнул:

– Остается надеяться, что вы правы, сэр. К тому же от Европы практически ничего не осталось. На ее фоне Сибирь выглядит почти нетронутой. И... генерал Прокхорофф на связи, сэр.

Часть I

Среди грязи и праха

1

– А потом они пришли в каждое селение и разрушили каждый дом, который еще стоял, каждую церковь и даже каждое могильное надгробие. Тех, кто успел убежать, они не тронули. Но те, кто не смог или не захотел, – были убиты без жалости. Так на нашу землю упала тьма... – Чокнутая Долорес осеклась, не закончив фразы, и, по своему обыкновению, со всхлипом вздохнула. А потом опустила голову и снова принялась пришептывать что-то себе под нос, мелко потряхивая головой.

Тарвес, спокойно сидевший в ногах Чокнутой, вскинул голову и, быстро стрельнув глазами по сторонам, воровато кивнул Уимону, а затем змеиным жестом засунул грязную пятерню под драную шаль неопределенного цвета, намотанную поверх лохмотьев, прикрывавших бедра женщины. Уимон зачарованно смотрел на его геройские действия. Но Тарвес, поймав его взгляд, сердито мотнул головой. Уимон торопливо отвернулся, старательно уставившись на два ближних входа в куклос. Чокнутая Долорес вздрогнула и, испустив изумленный вздох, подняла голову. Уимон оглянулся. Худая фигурка Тарвеса стремительно удалялась в сторону Барьера. Уимон виновато съезжился. Хотя он не сделал ничего плохого, вид мчащегося Тарвеса действовал на него как спусковой рычаг арбалета. И Уимон, вскочив, припустил за ним.

Никто не помнил, сколько лет их куклосу, но все в округе признавали, что он был самым старым. И его Барьер был уже стар, в его гуще успели образоваться относительно широкие проходы. Достаточно широкие для того, чтобы проскользнуть двум шустрим пятилетним пацанам.

Этот проход был им давно знаком. Мальчишки пользовались им часто. Он был слишком мал, чтобы в него мог протиснуться кто-то из взрослых или даже старших детей, и подходил почти к самой внешней границе Барьера. Так что не должно было возникнуть никаких затруднений с тем, чтобы спрятаться. Тем более от Чокнутой Долорес. Но то ли они несколько подросли с тех пор, как лазили сюда в прошлый раз, то ли просто Уимон оказался менее осторожным или ловким, чем Тарвес, но, когда мальчишки, торопливо перебирая руками и ногами, добрались до своего заветного места у поворота, Уимон почувствовал, как кожу на левом плече начинает слегка покалывать. Он было скосил глаза, собираясь получше рассмотреть, куда попала капля яда, но тут Тарвес остановился и, блестя глазами, повернулся к нему. Уимон решил наплевать на всякие капли. Первый раз, что ли?

– Ну что?

Тарвес торжествующе захихикал:

– У нее там волосы... и мокро.

Уимон недоверчиво покачал головой:

– А может, она... ну это... пи-пи?

Тарвес с сомнением поднес руку к носу и, шумно втянув воздух, покачал головой:

– Может, и так, только... не совсем. Во, понюхай. – Он сунул пятерню под нос Уимону.

Мальчик осторожно обнюхал еще влажные пальцы. Сквозь резко-кислый запах мочи пробивался еще какой-то необычный запах.

Тарвес скривился в своей любимой ухмылочке и произнес:

– Ну, вроде как от Лии, когда она вспотеет, ну, после того, как они с Нумром... – он двусмысленно хихикнул.

Уимон глубокомысленно кивнул. Спальная комната в куклосе была одна на всех, и, хотя дети спали за занавеской, от запахов и звуков она не защищала. Да и дыр в ней было предостаточно. Тарвес еще раз поднес свою растопыренную пятерню к носу, подержал, а потом лизнул. Уимон заинтересованно уставился на него. Тарвес поморщился и сплюнул.

– Не понимаю, почему Нумр все время лижет Лии это место? По-моему, гадость. А может, это не тот запах? Может, она пахнет по-другому потому, что она «дикая»?..

– Какая же Долорес «дикая»? – не согласился Уимон. – Она же живет в куклосе.

Тарвес хмыкнул:

– Ну да, только в куклосе и никогда не выходит за Барьер. Не знаешь, почему?

Уимон задумался. Действительно, все взрослые, а иногда и дети, время от времени покидали ограниченное Барьером внутреннее пространство поселения. Но он не мог припомнить ни одного раза, чтобы это сделала Чокнутая Долорес. Она таскалась по внутреннему двору, бормоча себе под нос свои дурацкие страшилки и возвышая голос всякий раз, когда кто-либо из взрослых или детей оказывался от нее на расстоянии пары ярдов. Впрочем, после того как Стан-самец в кровь разбил ей лицо, она остерегалась кричать в его присутствии. К укроминам в Барьере она ни разу не подходила. Более того, она старалась держаться как можно дальше от плетей его подвижных лоз, утыканных иглами и колючками.

– А правда, почему? – растерянно спросил Уимон.

Тарвес высокомерно усмехнулся и покровительственно покачал головой.

– У нее нет идентификационного знака.

Уимон удивленно округлил глаза:

– Как это?

Тарвес пожал плечами:

– Вот так. Если она приблизится к Барьеру, он ее убьет.

Мальчики затихли. Уимон почувствовал, что плечо саднит так, будто к нему прижали раскаленный прут. Он попытался бороться с этим ощущением, упрямо стиснув зубы, но потом не выдержал и тихо застонал. Тарвес бросил на него быстрый, удивленный взгляд, но в следующее мгновение глаза его расширились, а лицо побелело:

– Уимон! Ты оцарапался!!

Мальчик вздрогнул и скосил глаза на плечо. Точно, рубашка была распорота острой колючкой, а на белой коже багровела длинная ссадина. Уимон растерянно повернулся к Тарвесу и испуганно произнес:

– Я... думал, просто капнуло.

Тарвес чуть не плача начал протискиваться мимо Уимона вдоль стены кустарника.

– Я сейчас, Уимон, я приведу взрослых... только ты не умирай, ладно? Я быстро... Ну пожалуйста...

Уимон остался один. Яд колючек Барьера мог мгновенно убить любого зверя или «дикого», даже просто попав ему на кожу, но жители куклоса, который защищал Барьер, имели некоторый иммунитет. На коже всех мальчишек, обитающих в куклосе, было немало коричневых пятен, образовавшихся в местах, куда капнули микроскопические капельки яда, сорвавшиеся с колючек, когда они лазили в зарослях Барьера. На них обращали не больше внимания, чем на обычную ссадину. Но сейчас... Царапина означала не только то, что яд попал в кровь, но и то, что количество его было в несколько раз больше, чем досталось мальчишке за всю его недолгую жизнь. Слава богу, рецепторные клетки коснувшейся колючки вовремя установили, что он член защищаемого этим Барьером куклоса. Если бы не это, худенькое тельце уже корчилося бы в предсмертных судорогах, истыканное доброй сотней подобных колючек. Уимон утер пот, облизнул растрескавшиеся губы сухим и жестким, как наждак, языком. Он почувствовал, как у него подгибаются ноги, осторожно, стараясь не задеть плетей, усеянных колючками, опустился на спину. Он вряд ли мог описать свое состояние, но было очень плохо.

Ему показалось, что кто-то схватил его за волосы и тяжело, рывками поволок по проходу. Яд уже сильно затуманил мозг, поэтому он так и не понял, было ли это на самом деле или просто почудилось. Потом слышались голоса, среди которых он узнал голос Редда-родителя. Уимон попытался ответить, но не смог пошевелить губами, перед глазами поплыли странные, яркие и веселые круги, губы мальчика дрогнули, пытаясь растянуться в улыбке. Последнее, что он помнил – его снова кто-то тянет за собой, причем на этот раз гораздо сильнее, чем прежде. Впрочем, это могло быть и бредом...

Уимон болел долго, почти полгода. Первые два месяца он просто неподвижно лежал, ничего не видя и не слыша, реагируя только на громкие звуки и почти рефлекторно приоткрывая рот, когда Оберегательница Аума поила его бульоном. Сган-самец совсем уже было убедил большую часть обитателей куклоса, что «...этот недоносок вот-вот сдохнет, а потому не стоит тратить на него пищу и мыло. По уму, давно пора бы выкинуть его за Барьер». Но мальчик наконец начал открывать глаза и шевелить пальцами рук. Так что решили подождать. Тем более что причины неприязни Сгана к мальчику ни для кого не были секретом. Сган был единственным сертифицированным производителем в куклосе, и большая часть здешних детей была от него. Уимон был единственным потомком Желтоголового Торрея. Жена Торрея имела еще четверых детей от того же Сгана и была не прочь завести пятого. Чего, однако, совсем не хотел Торрей. И потому Сган частенько давал волю своему скверному характеру. Но, как говорят, все самцы таковы. К тому же дети у Сгана получались что надо, так что на некоторые недостатки его характера можно было бы и не обращать внимания. Тем более что Желтоголовому Торрею Контролер больше не разрешил вести линию размножения, хотя тот ежегодно отправлялся в Сектор за разрешением. Многие считали, что Торрей давал Уимону слишком много воли, потому что он был его единственным ребенком. Болезнь мальчика расценивалась как кара Всевидящих.

Для самого мальчика первые три месяца болезни промчались быстро. Забытья он не помнил совсем. Были какие-то видения, неясные тени огромных скал и сверкающих огненных колонн. Но потом серое мутное забытье начало потихоньку наполняться сначала запахами, затем звуками, а однажды утром появились голоса.

Первое время Уимон не различал слов, но вот голоса вроде были знакомы. Во всяком случае, они казались знакомыми. Он начал вспоминать тех, кому они могли принадлежать. Странные, но такие знакомые имена: Торрей, Редд-родитель, Оберегательница Аума, а где-то дальше слышались визгливые выкрики Сгана-самца. Потом он начал различать отдельные слова, а спустя еще месяц смог наконец на привычный утренний вопрос Оберегательницы Аумы: «Ну как у нас сегодня дела, малыш?» ответить еле слышно:

– Се... Аманна...

Оберегательница ахнула и всплеснула руками.

– Ты гляди, заговорил, а мы-то уж... – и она с улыбкой наклонилась над ним, смахнув слезу. Не так часто больные радовали ее тем, что возвращались к жизни. Но что поделаешь, если жизнь и смерть всецело в руках Всевидящих, а ей оставлены только компрессы, лечебный бульон, десяток горшочков с медом, барсучьим салом и иными немудреными снадобьями и святая мольба.

После этого утра дела явно пошли на поправку. Спустя еще месяц Уимон с помощью Тарвеса и Оберегательницы Аумы смог наконец, пошатываясь на дрожащих ногах, выйти на воздух. От свежего, морозного воздуха у мальчика закружилась голова, а от яркого сияния солнца на белоснежных сугробах потемнело в глазах, но он удержался на ногах и, зажмурившись, упрямо шагнул вперед. Оберегательница, на памяти которой Уимон был вторым выжившим из тех, кто получил ту же дозу яда от колючек Барьера, удовлетворенно кивнула. Пожалуй, этот мальчик имеет шанс выкарабкаться. Первого-то выгнали за Барьер: рука его осталась

парализованной, а один глаз – слепым. В куклосе не держали убогих. Было только одно исключение – Чокнутая Долорес. Было...

– Уимон, лови!

Тарвес, лепивший с мальчишками снежного Смотрящего, подскочил к ним, быстро слепил снежок и запустил в приятеля. У того сверкнули глаза. Оберегательница тихонько вздохнула и улыбнулась, увидев, как мальчик, которого едва держали ноги, вдруг наклонился и принялся старательно лепить белый шарик. Снежок пролетел всего пару шагов, а у мальчика от непомерного усилия на лбу выступил пот, но это было уже не важно. Аума подхватила мальчика под руку:

– Ну ладно, Уимон, на сегодня достаточно.

К весне Уимон настолько окреп, что мог гулять без посторонней помощи. К сходу Снеготая Редд-родитель уже приставил Уимона в помощь Туне-кухарке. Хотя сил у мальчика хватало только на то, чтобы несколько раз за день вместе с Нумром откатить к Затхлой яме, переполненной шевелящимися Питающими плетями Барьера, мусорную бадью. Да и вся его помощь заключалась в том, что он просто оттаскивал мелкие камни из-под каменных катков. Но то, что благодаря этому труду он снова перешел из разряда Иждивенцев в разряд Приносящих пользу, заставило Сгана замолчать. К немалому облегчению остальных. Если бы Сган продолжал гнуть свое еще пару недель, куклос вполне мог остаться без Производителя. Так как Редд-родитель вместе с парой самых дюжих мужчин куклоса уже дважды отрывал Желтоголового Торрея от Сгана, когда у того на губах выступала кровавая пена. Впрочем, Контролер вряд ли оставил бы без внимания убийство Производителя. Так что, скорее всего, куклос лишился бы и лучшего охотника. И последняя зима, которая и так выдалась несытной из-за того, что лучший охотник куклоса больше времени проводил у постели больного сына, чем на звериных тропах, по сравнению со следующей показалась бы просто временем обжорства. Торрей приносил едва ли не половину «зимнего» мяса. Его умение чують зверя многим вообще казалось особой Благодатью Всевидящих. Или проклятием.

К Наидлинному дню Оберегательница позволила Уимону отправиться вместе с другими детьми за диким луком и черемшой. И хотя он принес только половину того, что принесли другие дети, Аума обняла мальчишку и заплакала от счастья. Похоже, мальчик действительно выздоровел, и теперь его можно без опаски вести к Контролеру. Конечно, медицинский ряд Контролера может обнаружить какие-то генетические изменения, вызванные ядом Барьера, но тут уж Оберегающая ничего поделать не могла.

Доверенных к Контролеру, как обычно, начали снаряжать к исходу Ливеня. Из двух десятков детей куклоса в этот раз к Контролеру должны были вести только Уимона и полугодовалую девочку – дочку Лии. У Лии это был первый ребенок, и она не рискнула сразу же попытать счастья с Нумром, а, по совету Аумы, зачала его со Сганом. Из его детей Контролер отверг только двоих. А Оберегательница хорошо знала, как действует на женщину умертвление первенца. Даже совершенное по священной воле Контролера.

В день отхода Уимон поднялся еще затемно, тихонько выскользнул из спальни комнаты и вскарабкался по скале, вокруг которой раскинулся куклос. Устроившись в поросшей мхом расселине, он уставился на восток. Среди детей ходили слухи, что если в день отхода увидеть красный луч восходящего солнца, отразившийся в темной глади Длинного озера, что раскинулось в четырех дневных переходах восточнее их куклоса, то идентификатор Контролера непременно покажет норму. Отдаленные пики уже окрасились первыми лучами восходящего солнца. Уимон замер. Снизу послышался шорох. Мальчик наклонился. По скале ловко поднимался Тарвес.

– Привет, Уимон. – Мальчик весело махнул рукой. – Ждешь луча?

Уимон молча кивнул.

– Правильно, – одобрил Тарвес и добавил: – Жаль, что у тебя такой чокнутый Дух-охранитель.

Уимон изумленно повернулся к приятелю. Дух-охранитель появлялся у того, кого спасли ценой чьей-то жизни. Считалось, что дух погибшего продолжает охранять спасенного на протяжении всей его жизни. Тарвес заметил его взгляд, и глаза мальчика удивленно расширились:

– Ты что, не знаешь?

Уимон настороженно покачал головой.

– Так ведь тебя вытащила из Барьера Чокнутая Долорес. – Тарвес растянул губы в своей обычной ухмылочке. – Барьер истыкал ее колючками так, что из-под плетей даже шали видно не было. – Он хмыкнул. – Я ж говорил, что она «дикая»...

Солнце уже давно взошло, внизу повсюду гремела посудой Туна-кухарка, готовя праздничный завтрак в честь ухода Доверенных. Тарвес с приятелями крутился вокруг кухонной пещеры, выпрашивая обрезки медвежьего сала от праздничной запеканки. Уимон все сидел в своей расселине, вспоминая визгливо-надтреснутый голос, бормочущий: «...а потом они пришли в каждое селение и разрушили каждый дом, который еще стоял, каждую церковь и даже каждое могильное надгробие. Тех, кто успел убежать, они не тронули. Но те, кто не смог или не захотел, – были убиты без жалости...» Он не понимал, что означают эти слова, но теперь они навсегда отпечатались в его памяти.

2

Путь до Енда, Святого местообитания Контролера, занял почти три недели. Первые три дня их куца колонна двигалась довольно спокойно. Желтоголовый Торрей, которого Редд отпустил в Сохраняющие с большой неохотой, подчиняясь тому, что, пока тот не узнает вердикт Контролера по поводу своего сына, от него все равно будет мало толку, с двумя другими следопытами шел недалеко от колонны. Его соломенная голова то и дело мелькала среди зарослей то впереди, то сбоку. Но на четвертое утро один из следопытов, отправленный Торреем вперед, принес тревожную весть. Когда он появился из-за поворота тропы, Торрей как раз зашнуровывал Уимону мокасин.

– Что?

Следопыт остановился около Сохраняющего и, поскольку для того, чтобы внятно произнести слово, ему еще надо было отдышаться, ответил на языке жестов: «Следы прирученных животных. Много». Это было серьезно. Обитатели куклосов не приручали зверей. Поскольку заповеди Контролера гласили, что низшие существа, каковыми и являлись люди, не могут властвовать над другими живыми существами. Значит, впереди были «дикие». Торрей нахмурился и, окинув взглядом тревожно замерших людей, коротко приказал:

– Спрячьтесь.

Большинство уже закончило скудный завтрак и было занято укладкой своего нехитрого скарба. Это большинство торопливо похватило наполовину уложенные узлы и бросилось в заросли. Уимона волокла за собой Лию. Мальчик еле поспевал за ней, хотя Лия волокла еще сына-младенца и два узла со скарбом.

Не успело солнце подняться над Двужубым пиком, как на месте ночлега не осталось ни одного человека. Младенец Лии, проснувшийся от тряски, захныкал, но она живо выпростала тяжелую от молока грудь и вложила сосок ему в рот. Тот умолк и довольно зачмокал. Уимон устроился в развилке куста, глядя на поворот тропы, за которым скрылся отец.

Некоторое время все было тихо. Но затем откуда-то издали послышался отчаянный лай, и почти тут же что-то громко бухнуло. Затем звуки приблизились, лай распался на несколько голосов и вдруг взорвался диким воем. От этого воя, прямо-таки переполненного животной болью, Уимон почувствовал себя очень неуютно и почти свалился вниз. Лия, ребенок которой уже прекратил сосать и задремал, встретила его увесистой затрешиной. Мальчик спрятался за ее спину. Лай, вой и крики раздавались совсем рядом, что-то бухнуло еще раз и потом весь этот страшный шум начал отдаляться. Мальчик осторожно высунулся из-за спины Лии. Но за ветвями расросшегося кустарника ничего разглядеть было нельзя.

Потом вернулись Сохраняющие. Торрей, показавшись из-за поворота тропы, первым делом отыскал взглядом вихрастую головку сына, скупно улыбнулся ему, благодарно кивнул Лии и упругим шагом охотника подошел к старшему из Доверенных. Тот сердито надулся:

– Как произошло, что «дикие» подобрались так близко к каравану, Сохраняющий?

– Не знаю. Вряд ли это было запланированное нападение. Иначе мы все были бы уже мертвы. Слава Контролерам, «дикий» был только один, а в своре было только три собаки. Нам удалось подстрелить одну из арбалета шипом Барьера. Но и дикий зацепил двоих, у нас есть раненые: Тмион ранен в руку, так что есть надежда на то, что он выздоровеет; а вот Итпану «дикий» попал в живот. Он сильно мучается. Я думаю, ему надо подарить Милость забвения.

Доверенный не отводил взгляд от Торрея. Он упрямо повторил вопрос.

– Как это произошло?

Торрей пожал плечами:

– Огненные трубки. Они могут метать кусочек металла очень далеко и с большой силой. Мы знаем об этом слишком мало. Я просил Контролера позволить мне захватить и изучить такую трубку, но он меня... мне не позволил.

Старший размышлял, глубокомысленно сдвинув брови к переносью, но потом, так и не найдя, что бы еще спросить, кивнул. Торрей кивнул в ответ:

– Я должен отправить домой Тмиона и... позаботиться об Итпане, а потом можем двигаться. Я не думаю, что где-то поблизости бродят другие «дикие», иначе они уже были бы здесь, но надо побыстрее покинуть это место. «Дикие» привязаны к своим прирученным животным и могут попытаться нам отомстить.

Они тронулись в путь.

В быстром темпе шли до обеденного привала. По бокам колонны шли мужчины, сжимая в не очень-то умелых руках заостренные колья и выточенные из вулканического стекла ножи. Только Сохраняющие, которых по традиции набирали из охотников, имели пластинчатые арбалеты. Люди куклосов никогда не были хорошими воинами, да и не очень-то представляли себе, что это такое.

За все время Уимон, который, уцепившись за юбку Лии, едва поспевал переставлять ножки, так ни разу отца и не увидел. Когда они появились на поляне, выбранной Сохраняющими для обеденного привала, Торрей уже был там. Он шагнул им навстречу, подхватил на руки измученного сына и вновь, как и утром, благодарно улыбнулся Лии:

– Я разложил костер, Молодая мать.

Пока Лия резала овощи для похлебки, Торрей растер сыну гудящие ножки и укутал его в плащ, сшитый из волчьих шкур. Уимон пригрелся и задремал. Однако скоро проснулся и высунул нос из-под мохнатого плаща. Они расположились на самом краю поляны, под раскидистыми ветвями старой липы. Над костерком висел легкий котелок, в котором кипело варево. Отец, не забывая помешивать, что-то тихонько рассказывал Лии. Уимон прислушался.

– ...редко нападают первыми.

Лия задумчиво кивнула:

– А почему тогда мы сами нападаем на них?

– Такова воля Контролера. Мы обязаны пресекать жизни «диких» там, где мы их повстречаем. А если мы обнаружим их жилище или иное место, где они собираются в большом числе, то должны немедленно сообщить Контролеру.

– И что тогда?

Торрей ответил не сразу. Он зачерпнул варево бурой от долгого пользования деревянной ложкой с обкусанным краем, подул, отхлебнул, удовлетворенно крякнул и, протянув руку, извлек из лежащего у его ног заплечного мешка серебристый пакетик биодобавки. Высыпав ее в котелок, он помешал, снова попробовал варево, а затем сноровисто снял котелок с крюка и поставил в сторонку остывать. Все это время Лия не отрываясь смотрела на него, будто напоминая о том, что она задала вопрос, но не отваживаясь повторить его. Охотник оглянулся и, сделав вид, что он просто рассматривает что-то за спиной, заговорил:

– Я видел что-то подобное только один раз. Когда я был еще молодым охотником. Я тогда жил в куклосе «Смионт Труо Юмнг». Наши Старшие наткнулись на поляну, где «дикие» устроили шалаши. Старшие попытались напасть на них, но «дикие»... – он замолчал и, выудив из мешка завернутую в тряпицу краюху серого хлеба, начал резать его. Лия смотрела на него нетерпеливо, но охотник так же неторопливо уложил в мешок остаток краюхи и только потом заговорил:

– Погибли все охотники нашего куклоса и большая часть взрослых мужчин. «Дикие» преследовали нас до самого Барьера. Родитель был тяжело ранен и умер. Но перед смертью он успел сообщить обо всем Контролеру. – Торрей помолчал, занимаясь котелком и ложками. – Ночью пришли Высшие. Они сожгли все шалаши и всех «диких». Тех, кто успел убежать и

попытался скрыться в чаще, они догнали и разорвали на куски. Самому удачливому удалось пробежать почти девять миль...

Охотник принялся чистить лук.

– Но потом мы разобрались в следах и поняли, что «дикие» пытались сопротивляться. И похоже, им даже удалось... причинить вред не менее чем трем Высшим.

Лия охнула. Причинить вред Высшим?! А Торрей в упор взглянул на нее:

– С той поры, когда я встречаю «диких», я либо убиваю их, либо убегаю.

Лия вздрогнула и отвернулась. Желтоголовый криво усмехнулся, поднялся и, наклонившись над сыном, тихонько потряс его за плечо.

– Вставай кушать, сынок.

Уимон выбрался из-под волчьего плаща и, стараясь не встречаться взглядом с отцом, уселся у котелка. Он надеялся услышать что-нибудь интересное, а из того, что удалось расслышать, он понял не так уж много. Но ему стало страшно. И страх его испугал. Поэтому мальчуган вцепился в протянутую отцом ложку, будто в спасательный круг, и торопливо зачерпнул из котелка.

Следующую неделю Уимон запомнил смутно. Все – места стоянок, дневные переходы, места заготовки дров, ручьи, из которых набирали воду, – Сопровождающие знали назубок. Поскольку каждую весну Доверенные из их куклоса отправлялись в Енд одним и тем же маршрутом. Но этот маршрут не был рассчитан на едва оправившихся после болезни малышей. Дети отправлялись в Енд только дважды в жизни. Во-первых, в течение первого года после рождения, дабы медицинский ряд Контролера провел полное генетическое обследование нового организма и выдал заключение по поводу его дальнейшей судьбы. Первой обязанностью Контролера было пресекать жизнь неполноценных с точки зрения генетики особей. Это путешествие младенцы совершали на руках матерей. А во-вторых – в одиннадцать лет, когда наступала пора определить Предназначение подросших жителей куклоса. Эти ребята были намного крепче Уимона. И дорогу перенесли без особого труда. Но к исходу недели и Уимон втянулся: когда останавливались на ночную стоянку, Уимон уже не валился без сил на отцовский плащ, а принимался шнырять по лагерю.

Когда до Енда осталось всего два дневных перехода, нагнали большой караван, в котором следовали Доверенные из шести куклосов. Там оказалось около полутора десятков подростков, достигших возраста Предназначения. На первой же стоянке один из мальчишек появился у костра Уимона. Несколько минут он смотрел, как пацаненок помогает отцу разводить огонь, а потом подошел поближе и опустился на корточки.

– Привет.

– Привет, – сдержанно ответил Уимон. В их куклосе отчего-то не было подростков. Самым молодым был Нур, но ему было почти двадцать весен. И с ним у местной пацанвы сложились натянутые отношения. Вот почему Уимон решил быть поосторожнее.

– Слушай, мы тут с ребятами подумали, кажется, ты еще слишком мал для Предназначения?

Уимон кивнул.

– А зачем ты идешь в Енд?

Уимону, сказать по правде, сильно не хватало приятеля. Взрослые были заняты своими делами и в лучшем случае не обращали на мальчика внимания, а скучная походная жизнь давно успела приестся. Поэтому он решил рискнуть и попытаться подружиться с этим парнишкой. Уимон улыбнулся:

– Я оцарапался о Барьер и сильно болел. А сейчас меня должен посмотреть Контролер.

– Да-а-а? – удивленно протянул мальчик и окинул Уимона уважительным взглядом. – У нас прошлой зимой один охотник тоже оцарапался о Барьер. Он долго был на охоте, а на обратном пути попал в пургу и съел все барьерные корни. И так обессилел, что забылся и

подошел слишком близко к Барьеру. Барьер дотянулся до него только двумя колючками. Он так орал... – Мальчишка, как взрослый, глубокомысленно покачал головой. – Книон-родитель рассказывал, что, когда Оберегательница подбежала к нему, он был уже мертв.

Мальчишка заинтересованно рассматривал Уимона, будто надеясь рассмотреть причину его необычайной живучести, а потом протянул руку:

– Меня зовут Алуken.

– Уимон.

Они торжественно пожали друг другу локти правой руки. Новый знакомый предложил:

– Айда к нам, я тебя с ребятами познакомлю.

Уимон вопросительно взглянул на отца, который все это время молча готовил похлебку, исподтишка наблюдая за детьми, но не вмешиваясь. Тот кивнул, сдерживая улыбку, и мальчишки шустро побежали к дальним кострам. Почему-то в их возрасте бегать гораздо легче, чем ходить.

Караван Доверенных из куклоса Алуken был намного многочисленней, чем у сородичей Уимона. Да и лагерь выглядел гораздо богаче. У каждого костра были натянуты навесы из шкур или блескучей непромокаемой ткани, которую даровали Высшие. А в середине лагеря стоял шатер. Алуken пояснил:

– Там спит старший Доверенный. А у вас есть такой?

Уимон отрицательно мотнул головой. Его новый приятель удовлетворенно кивнул, как будто ожидал подобного ответа:

– Отец говорил, что только три куклоса с этой стороны хребта имеют такие шатры. Наш куклос заготавливает барсучий и медвежий жир, а также смолу и сок деревьев. Так что Высшие прилетают в наш куклос каждую полную луну. – Он с явственным оттенком гордости в голосе особо выделил одно непонятное слово. – У нас производственный куклос.

Уимон уважительно кивнул, так и не поняв, что имел в виду новый товарищ. А тот вскинул руку и закричал:

– Смотри, вон ребята. Эй! Ребята! Смотрите, кого я привел! Это Уимон. Его оцарапал Барьер, а он выжил.

Дети молча рассматривали Уимона. Потом мальчик, сжимавший в руке наполовину обгрызанный барьерный корень, громко сказал:

– Умертвят. – С хрустом откусил от корня и шумно зачавкал.

– Это почему это умертвят? – удивился Алуken.

– А потому, – безапелляционно заявила хрупкая, тонкокостная девочка с большими черными глазами. – Мама рассказывала, что в нашем куклосе Барьер оцарапал семерых. Двое не умерли сразу. Но Контролер все равно не разрешил им жить. – Она замолчала, подняв глаза вверх и сложив бантиком пухленькие губки. – Мама рассказывала, что их даже не разбирали. Они были уже слишком старыми. Просто умертвили и переработали.

Алуken упрямо набычил голову:

– А он еще нестарый.

– Ну и что? – возразила девочка. – Зато он еще маленький. И органы у него маленькие. А значит, никому не нужны.

– А может, нужны? Есть же маленькие взрослые.

– Они не такие маленькие, – вступил в разговор еще один мальчик. – Вот Емон-родитель рассказывал, что малый или большой рост – это генетическое отклонение. И скоро все взрослые будут одинакового роста. – Тут он запнулся и, слегка смутившись, пояснил: – Ну, я имею в виду, которые не возвысятся.

– Да ладно вам, – лениво произнес тот, который первым заговорил об умертвлении. Он как раз покончил с корнем и вытирал руки о подол рубахи. – Может, его и не умертвят. Раз

ведут в Енд – значит, есть надежда. – Он сделал шаг к Уимону и протянул руку. – Давай знакомиться. Меня зовут Итакр.

Похоже, Итакр был в этой компании за главного. Потому что остальные тоже сгрудились возле Уимона и начали пожимать его локоть.

Потом Итакр хлопнул Уимона по плечу и спросил:

– У тебя есть с собой барьерный корень?

Уимон отрицательно мотнул головой.

– А можешь принести?

Мальчуган нерешительно пожал плечами.

– Надо спросить у отца.

Итакр скривился:

– У отца?

– Он же не за Предназначением идет, – вступился за нового приятеля Алуken. – Он должен слушаться взрослых.

Итакр смилостивился:

– Ладно, спроси.

Вдруг из-за его спины раздался сухой скрипучий голос:

– Здравствуйте, дети.

Все резко обернулись, заслонив говорившего от Уимона своими спинами. Повисла напряженная тишина. Потом послышался испуганно-взволнованный голос Итакра:

– Здравствуй, Вопросающий.

Дети, будто игрушки на шарнирчиках, низко согнулись в поясе, открыв Уимону странное существо, напоминающее человека. Вокруг лысой головы существа будто странные змеи извивалось несколько толстых щупальцев. Уимону показалось, что его сейчас стошнит. И только через некоторое время, когда дети выпрямились, до него дошло, что он удостоился великой чести воочию увидеть одного из Высших.

3

Они вошли в Енд, когда солнце достигло зенита. Для того чтобы Старшие Доверенные всех семи кукулов переступили границу Святого местообиталища Контролера именно в тот момент, когда тени под ногами стали самыми короткими, караван почти час стоял на скате холма у последнего поворота дороги. Все это время Уимон умирал от желания влезть на гребень и хоть одним глазком взглянуть на скопище чудес. Но взрослые строго следили за тем, чтобы дети не нарушили их планов. Даже новые приятели Уимона, которые пользовались гораздо большей свободой, так как были главными лицами в караване, не осмелились нарушить порядок. Вообще-то в том, чтобы войти в Енд именно в полдень, не было никакого особого смысла. Просто за многие десятилетия это стало чем-то вроде неписаной традиции. Неизвестно кем и когда установленной, но свято соблюдаемой.

Время ожидания кончилось. Мальчик так и не понял, кто только что подал сигнал, но люди, спокойно сидевшие и лежавшие на склоне холма, вдруг вскочили на ноги и суетливо бросились к дороге, спеша занять свое место в колонне, растянувшейся почти на полмили. Мальчик растерялся. Когда остановились на этот привал, он отпросился у отца и, пробежав через всю колонну, добрался до своих новых знакомых, место которых было в самой голове, сразу за шеренгой Старших Доверенных. И сейчас он внезапно оказался в одиночестве, среди суматошной толпы взвинченных людей. Пробежал с возбужденным лицом Алуken, который нравился ему больше всех из новых знакомых, и мальчик припустил следом за ним.

В первых рядах колонны все успокоилось. Короткая шеренга Доверенных, одетых в лучшие одежды, распространяла вокруг флюиды торжественности и благообразия. Даже среди детей, блестящих возбужденными глазками и переминавшихся с ноги на ногу, не нашлось ни одного, кто рискнул бы возвысить голос и пихнуть соседа. Все вертели головами и вытягивали шеи, но не пытались протиснуться вперед. Уимон тихонько пристроился позади плотной группы детей и перевел дух. Хотелось оглянуться назад, увидеть отца или кого-нибудь из своего кукула, но это не удалось. Вдруг раздался знакомый скрипучий голос:

– Доверенные, готовы ли вы войти в Енд?

На обочине стоял Вопросающий. Уимон не видел его после первой встречи. После того, как дети поприветствовали его, Вопросающий подошел к Уимону и спросил:

– Мальчик, почему ты не приветствуешь одного из Высших как подобает?

Вокруг Уимона образовалось пустое пространство, а в детских глазах, устремленных на него, возникло выражение, которое часто встречается у детей, наблюдающих за тем, как взрослые сурово наказывают товарища, который совершил нечто запретное. Из-за спины Вопросающего появился Старший Доверенный от их кукула.

– Простите его, Высший, этот ребенок идет не за Предназначением. Он еще слишком мал... – Доверенный запнулся. Пара щупалец, которые, как разглядел Уимон, заканчивались чем-то, напоминавшим маленькие глазки, осталась направлена на него, а остальные живо зашевелились, оглядывая своими псевдоглазками попеременно всех находящихся рядом с ними.

– За чем же он идет?

Доверенный ответил:

– Он был оцарапан Барьером и долго болел. Но сейчас выздоровел. Мы ведем его к Контролеру.

Вопросающий вновь повернулся к мальчику, напряженно шевеля всеми своими щупальцами. А потом произнес:

– В таком случае ему нет необходимости присутствовать при моей беседе со Следующими за Предназначением.

Уимона поволокли куда-то в темноту, даже не дав попрощаться с новыми приятелями. И вот теперь новая встреча...

Мальчик шел вместе со всеми, стараясь не вырываться вперед и не слишком отставать. Но вот дорога сделала поворот и над группой детей пронесся восхищенный вздох. Уимон отпрянул в сторону, выскочил на обочину и ошеломленно разинул рот.

Енд был чудом. Вниз сбегала прямая как стрела дорога, переходящая в идеально ровную поверхность. Вся долина была выстлана матово поблескивающими под яркими лучами осеннего солнышка шестиугольными металлическими плитами. В центре замощенного пространства возвышался... Дворец. Конечно, Уимон не знал, как это называется, но стройное скопление кубов, шаров, прямоугольников и воздушных решетчатых металлических конструкций вызывало ощущение... благоговения. Он замер от восхищения и... тут же полетел на землю от чувствительного толчка. А злобный детский голос прорычал:

– Что он здесь делает?

Уимон упал довольно удачно, на кочку с пожухлой травой. Но не успел подняться на ноги, как над ним навис сердитый Итакр.

– Твое место сзади, с твоими вонючими родичами, сопляк, а не со Следующими за Предназначением. – Он занес кулак, собираясь добавить самозванцу.

Уимон зажмурился. Опять раздался скрипучий голос Вопросающего:

– Желаящие Возвыситься должны сдерживать эмоции. Ибо эмоции притупляют разум. А без разума нет Возвышения.

Итакр испуганно отдернул кулак и, торопливо поклонившись Высшему, выросшему рядом с ними будто из-под земли, бросился догонять колонну, даже не замедлившую шага. А Вопросающий пристально разглядывал Уимона всеми своими глазками, а затем отвернулся и двинулся вперед скользящим размеренным шагом. Мальчик подождал, пока он отойдет подальше, а потом поднялся и побрел в обратную сторону. Енд больше не казался ему великим чудом. Да и по поводу Возвышения у него появились свои мысли. Если Возвышение делает людей похожими на этого Вопросающего, то Уимону совсем не нужно это самое Возвышение.

И все же Енд оказался удивительным местом. Когда вечером они устраивались на ночлег в странном куклосе с металлическими стенами, мягкими и теплыми на ощупь ворсистыми постелями вдоль стен и ярко светящимися шарами, свисающими с высокого, затемненного потолка, мальчик просто устал рухнул на одну из постелей и провалился в глубокий сон. За день ему встретилось столько всего, что у него уже не осталось никаких сил удивляться новым чудесам.

На следующее утро отец разбудил его довольно рано. После скудного завтрака все выбрались наружу. Внезапно появилась целая дюжина Вопросающих. Двинулись к группе центральных строений. Первые несколько минут Уимон так же, как и вчера, вертел головой по сторонам, разглядывая всякие непонятные диковины, но затем его взгляд случайно упал на лицо отца. Торрей шел рядом с ним, крепко сжимая ладошку сына и стиснув зубы так, что вокруг рта вздулись редуты желваков. Мальчик торопливо отвел глаза и испуганно нахохлился. Ему стало не до чудес Енда. Он еще никогда не видел своего отца таким. Каким-то шестым чувством, которое бывает только у детей, он чувствовал, что за время их путешествия суровый охотник излил на него столько отцовской любви, сколько мальчик не получил за всю свою недолгую жизнь. Но если все это время он только купался в потоке отцовской любви и нежности, то сейчас его настигло чувство страха. Он внезапно осознал, что все это неспроста, и что если отец так испуган, значит, ему, его сыну, предстоит что-то очень страшное. Но додумать до конца эту мысль и окончательно перепугаться он так и не успел. Доверенные остановились, и один из Вопросающих громко сказал своим неестественно скрипучим голосом:

– Жители куклоса «Эмд орн Конай», Контролер готов вас принять. – Существо сделало паузу, быстро поведя головой из стороны в сторону, чтобы лучше рассмотреть замерших

людей. – Пожелания и просьбы излагать внятно и четко, эмоции сдерживать, больше необходимого в фокусирующей точке не находиться. Всем понятны мои слова?

По рядам прошелестел гул согласия. Дверь распахнулась. Величественно и бесшумно. Вопрошающие, окружавшие толпу, будто пастушьи собаки овечью отару, одновременно сделали шаг вперед, буквально втолкнув людей внутрь. Впрочем, обитатели куклосов не имели ни малейшего представления о пастушьих собаках и потому не могли уловить обидной для себя ассоциации. Уимон, зыркнув по сторонам, разочарованно сморщился. За сутки пребывания в Енде он успел привыкнуть к широким улицам, просторным площадям, длинным оградкам и высоким потолкам. И сейчас ожидал чего-то еще более высокого и светлого. А они оказались в довольно тесном помещении, освещенном слабее, чем даже тот металлический куклос, в котором им было дозволено переночевать. Вопрошающие не дали людям времени на раздумья. Одновременно с нескольких сторон послышались абсолютно похожие друг на друга скрипучие голоса:

- Доверенные, подойти сюда.
- Просители, подойти сюда.
- Прибывшие для медицинского контроля, подойти сюда.

Все дальнейшее запомнилось мальчику смутно. Сначала они оказались в очереди, пристроившись за спиной Лии, нервно качающей своего малыша. Ребенок мирно посапывал, реагируя на покачивания только тем, что иногда недовольно морщил носик. Но мать этого не замечала, буравя напряженным взглядом металлический цилиндр высотой в полтора человеческих роста, за сдвижной дверцей которого уже скрылся первый посетитель.

Дверца цилиндра распахнулась. Оттуда вывалился дородный мужчина с остекленевшим взглядом и, сделав несколько шагов, остановился, не замечая бросившейся к нему жены. Раздался скрипучий голос Вопрошающего:

- Сектор утилизации за оранжевой дверью, на входе сдайте жетон. Сдерживайте эмоции.

Мужчина вздрогнул, торопливо поднес к глазам зажатый в кулаке жетон и послушно двинулся на негнибающихся ногах к одной из расположенных в торце зальчика дверей, поверхность которой мягко вспыхнула теплым оранжевым светом. Уже после того как дверь за спиной мужчины бесшумно закрылась, мальчик еще долго не мог отвести от нее взгляда. До тех пор, пока отец не положил ему руку на плечо и не произнес тихо:

- Тебе пора.

Уимон вздрогнул, торопливо оглянулся, мельком заметив щебечущую Лию, которая с довольным видом рассказывала что-то женщине, муж которой исчез за дверью Сектора утилизации.

Цилиндр оказался довольно тесным. Сверху раздался мягкий, спокойный голос, ничем не напоминающий голоса Вопрошающих.

– Успокойся, Уимон, и слушай меня внимательно. – Голос на секунду замолк, давая время ребенку привыкнуть к присутствию невидимого руководителя, а затем продолжил: – Сейчас на полу и на пластине перед тобой зажгутся силуэты твоих ступней и ладоней, встань на них и приложи к ним руки. – Голос вновь замолк, дожидаясь, пока мальчик выполнит распоряжение. – А теперь стой спокойно, сейчас свет начнет мигать, а ладоням и ступням станет тепло и щекотно. Но тебе не надо этого бояться. Ты понял меня?

Уимон повернул голову куда-то в темноту, откуда доносился голос, и серьезно кивнул. По его телу начали пробегать световые полосы, а световой контур под ступнями и ладонями засветился более ярко и кожу начало немного припекать. Прямо перед носом мальчика вспыхнул длинный ряд мигающих желтых огоньков. И почти сразу же эти желтые огоньки начали гаснуть, а вместо погасших вспыхивать красные или зеленые. Уимон зачарованно уставился на эти перемигивающиеся огоньки. Красных становилось все больше и больше, и они вдруг показались мальчику зловещими глазами каких-то чудовищных монстров, неумолимо окру-

жающих его, чтобы лишить жизни. И это ощущение конца жизни становилось все сильнее и сильнее, пока наконец Уимон не зажмурил глаза и, изо всех сил надавив ладонями на гладкую поверхность, к которой он прижимал руки, не сделал НЕЧТО. Что именно, он так и не понял, но что вдруг, подсознательно, показалось ему единственно верным в этой ситуации.

Когда спустя несколько часов или, может быть, всего пару мгновений он открыл глаза, то весь ряд сияющих перед ним огоньков был зеленым.

– Уимон, ты можешь убрать ладони с пластины.

Силуэты ступней и ладоней погасли, дверь бесшумно распахнулась, и Уимон выскочил наружу. К нему с побелевшим лицом бросился отец.

– Тебе дали жетон? – Голос Торрея срывался от волнения, а руки торопливо ощупывали мальчика, отгибали пальчики, стиснутые в кулачки. – Уимон, мальчик, тебе дали жетон, да ответь же! – Охотник не сдержался и возвысил голос.

И тут же послышался голос Вопрошающего:

– Сдерживайте эмоции. Существо, именуемое Уимон, признано имеющим право на дальнейшее существование без ограничений. Существо Торрей из куклоса «Эмд орн Конай» вновь введено в ряд размножения.

Отец выпрямился, повернулся в сторону говорившего, быстро поклонился и, зажав ручку сына в своей ладони, торопливо направился к выходу, стараясь не замечать, что все присутствующие провожают их изумленными взглядами.

Они пробыли в Енде еще четыре дня. Немного освоившись, мальчик начал выбираться на недолгие прогулки. И в последний день наткнулся на Алукуна. Вернее, тот сам окликнул его, когда Уимон проходил мимо.

– Привет, тебя не утилизировали? Это здорово.

Уимон остановился:

– Привет, а ты не Возвысился? Жаль.

– Да ну. – Алуken махнул рукой. – Я и сам не хотел. Да из наших признали достойными Возвышения только пятерых. – Тут он хихикнул. – А Итакр остался с носом. Он так мечтал стать тактом... – И заметив, что это слово ничего не говорит его собеседнику, пояснил: – Ну это такие охотники, из Возвышенных. Которые охотятся за «дикими» и всякими другими.

Они помолчали, не зная, как продолжить разговор. Слишком коротким было их знакомство и слишком многое изменилось со времени их последней встречи. К тому же спустя один-два дня им суждено было отправиться по своим куклосам и расстаться на очень долгое время. Которое в их возрасте кажется сравнимым только с вечностью. Вместе с тем они чувствовали внутреннюю тягу друг к другу и потому принимали неизбежность расставания с внутренним сопротивлением.

– А кого избрали? – спросил Уимон больше для того, чтобы продолжить разговор, а не потому, что ему это было в самом деле интересно.

– Братьев Тлонгов, Дабрана и Дуя. Их повезут на «орбиту». – Алуken голосом выделил последнее слово, будто хвастаясь тем, что он его знает. – А Атринею, ну ту, тоненькую, вообще забирают куда-то далеко. – Он сделал паузу, а потом робко спросил: – А как было у тебя?

Уимон пожал плечами:

– А я не понял. Поставь ноги туда, положи руки сюда, потом посверкало – и все.

Алуken важно кивнул:

– Точно, это был медицинский ряд. Нас всех пропустили через него, прежде чем допустить к другим испытаниям. А сколько у тебя было красных огоньков?

Уимон снова пожал плечами:

– Сначала много, а потом ни одного.

Его приятель удивленно распахнул глаза.

– Так не бывает. Это... – но закончить он не успел. Рядом с ними выросла фигура Торрея.

– Попрощайся с приятелем, Уимон, нам пора собираться. Завтра на рассвете мы идем домой.

Когда отец и сын скрылись за поворотом, Алуken задумчиво потерся щекой о плечо. Того, о чем ему рассказал Уимон, просто не могло быть. Он знал по рассказам взрослых, что, пока мигает желтый огонек, медицинский ряд Контролера анализирует один из параметров. А красный или зеленый зажигаются только тогда, когда анализ уже закончен и Контролер сделал вывод, находятся отклонения данного параметра у тестируемого в пределах нормы или нет. И изменить этот вывод уже никак нельзя. Но в то же время Алуken чувствовал, что Уимон сказал ему правду. И эта правда была очень важна для чего-то, чему пока не было названия, но что будет иметь большое значение в его будущей взрослой жизни.

4

Челнок опускался с орбиты почти два часа. У этой новообращенной планеты, которую жившие на ней ранее люди называли Земля, оказался целый комплекс редко встречающихся природных факторов, сильно затрудняющих вертикальные маневры. Впрочем, не только их.

Возможно, в истории Единения и до того встречались прецеденты, когда в систему планеты, уже сорок с лишним лет идущей по пути Обращения и не находящейся под угрозой внешнего нападения, направлялся Базовый системный разрушитель с полным нарядом десанта. Но ни один из Старших Контролеров, ставивших задачу оперативному управляющему модулю Е-7127, об этом не упоминал. Напротив, все, с кем Е-7127 общался на искусственной планете Беграна, подчеркивали, что ситуация крайне необычна. Одна из диких планет, вращающаяся вокруг тусклой желтой звездочки на самой окраине галактики, была подвергнута стандартной процедуре, которая заключалась в полном уничтожении существующего варианта цивилизации и жестком структурировании оставшегося генофонда. Вдруг на планете возникли небольшие сбои. Причем крайне рутинного характера. Всем известно, что на любой новообращенной планете в течение достаточно продолжительного времени сохраняется популяция диких аборигенов. Но затем, вследствие полного разрушения всех технологических цепочек и отсутствия доступа к обеспечивающим выживание продуктам канскебронского производства, то есть одежде, продуктам питания, медицинскому обслуживанию, эта популяция начинала резко сокращаться и постепенно полностью исчезала, либо вымирая, либо растворяясь среди контролируемого генофонда. Но на этой планете все пошло по-другому. Популяция диких аборигенов не только не вымерла, но, по оценкам аналитиков, имела явную тенденцию к росту. Более того, наиболее активная часть неприрученных аборигенов в последнее время стала доставлять серьезные беспокойства некоторым поселениям контролируемого генофонда.

И когда информация об этом дошла до Беграны, местообиталища одного из Высших Контролеров, тот принял решение отправить к беспокойной планете Базовый системный разрушитель. Самую страшную машину уничтожения, когда-либо созданную разумом. И вот сейчас старший оперативный управляющий модуль десантного наряда опускался на поверхность планеты для личной встречи со Старшим Планетарным Контролером.

Когда посадочные опоры десантного челнока, больше приспособленные для того, чтобы ровно удерживать ребристый бронированный корпус на заваленной обломками строений городской улице либо на крутом горном склоне, наконец коснулись ровной поверхности посадочного поля, оперативный управляющий модуль уже стоял в выходном тамбуре. Касание поверхности было, как обычно, довольно грубым. Но ОУМ Е-7127 не обратил на это никакого внимания. Костяк и основные органы любого такта были сконструированы таким образом, что эта созданная на основе стандартного гуманоида боевая машина могла без особых последствий выдержать сброс с высоты до десяти своих ростов при гравитации, соответствующей норме. Причем рост любого такта в полтора раза превосходил рост обычного гуманоида. Так что грубое касание, заставившее десантный челнок содрогнуться всем своим массивным корпусом, не заслуживало даже малейшего внимания. Измененный-Аналитик, которого ОУМ по приказу Первого Контролера Разрушителя взял с собой на поверхность, совсем не разделял этого мнения. При посадке его швырнуло на ребристый пол тамбура, и сейчас он медленно поднимался на ноги, болезненно потирая ушибленные плечо и левое колено.

Пластальная плита, закрывавшая широкий воротный проем, медленно поползла вниз, превращаясь в широкую аппарель, способную выдержать вес тяжелой самоходной мортиры планетарной обороны. ОУМ, бросив сердитый взгляд в сторону наконец вставшего на ноги Аналитика, двинулся вперед.

Внизу, у края аппарели, их ожидало двое встречающих. Одним, как обычно, был Измененный из вездесущей когорты Вопросающих, а вторым был такт. Он стоял неподвижно, будто застывшая глыба металла, и молча смотрел на сходящего вниз собрата. Толстый край тяжелой створки аппарели лег на поверхность в опасной близости от его грубого ботинка. Сторонний наблюдатель мог содрогнуться, представив, как, в случае ошибки, многотонная плита буквально размазала бы ступню по гладкой поверхности посадочного поля. Но прицельно-дальномерная система любого такта была не такова, чтобы вероятность подобной ошибки была хоть сколько-нибудь значительной. А этот, похоже, был не из обычных. Е-7127 окинул его быстрым взглядом. Судя по обилию сенсорных башенок, торчащих из черепа, скорее всего его встречал тоже ОУМ. Но, похоже, одной из предыдущих серий. Сам Е-7127 был Возвышен уже после Нового Терминума, когда боевые действия выявили недостаточную вооруженность ОУМа и заставили пересмотреть некоторые, казавшиеся незыблемыми, тактические правила. Среди тактов был стандартизирован после этого новый класс – тактические носители, которые отличались от рядового такта несколько меньшей мобильностью, но гораздо более мощным вооружением. Однако пока тактов нового поколения было еще слишком мало даже для формирования боевых десантных нарядов действующего флота. Что уж говорить о планетарных силах.

Встречающий вскинул руку в приветственном жесте и, развернувшись, молча двинулся вперед. У обоих тактов с левой стороны черепа торчали башенки многофункциональных модемов, поэтому в устной речи необходимости не было. За пару секунд они могли не только обменяться идентификационными кодами – так сказать, представиться, – но и немного дружески поболтать. Вопросающий и Аналитик потрусили следом. Их скорость горизонтального перемещения была ниже, поэтому, чтобы успеть за вроде бы неторопливо передвигающимися тактами, им приходилось почти бежать.

Старший Планетарный Контролер принял его сразу же. Когда Е-7127 вошел в помещение, Контролер поднялся ему навстречу. ОУМ отметил, что Контролер подчеркнуто не оставил подсоединенным ни одного разъема и даже снял с черепа венец мощного модема. Похоже, это говорило о том, что обстановка на планете не требует непрерывного контроля. Однако на Е-7127 этот жест не произвел ожидаемого впечатления. Но дал понять, что разговор будет жестким. В конце концов решение отправить на Землю Базовый системный разрушитель было принято на Бегране, а Земля находилась в вертикали ответственности малой искусственной планеты Гронта. Так что подобная реакция была понятной. ОУМ подумал, что Высшие Контролеры бодаются, а ему расхлебывай. Похоже, Планетарный Контролер допустил промашку с собственным эмоциональным контролем: когда он заговорил, в его голосе явно присутствовали нотки раздражения, заметные даже такту.

– По нашим оценкам, ситуация на Земле не вызывает такого уровня обеспокоенности, который требует присутствия кораблей класса Базового системного разрушителя.

Е-7127 сделал утвердительный жест. Разница в их уровне ответственности была слишком велика, чтобы он мог позволить себе противоречить. В подобных ситуациях принято было считать, что Старший Планетарный Контролер, чей статус по сравнению со статусом гостя был выше на несколько порядков, принимает отнюдь не ОУМ Е-7127, а всего лишь исполнительный механизм Первого Контролера Базового системного разрушителя. Хотя после того, как Е-7127 вошел внутрь комплекса зданий Планетарного Контроля, связь с Разрушителем стала возможной только при включении боевого режима. Поскольку влезать в сети, находящиеся под контролем разума равного статуса, не говоря уж о более высоком, без серьезных на то оснований считалось недопустимым. Так что реально разговор вел именно Е-7127.

Но, похоже, Планетарный Контролер просто выпустил из-под контроля ту часть своего «я», что происходит от человека. И потому все эти дипломатические тонкости вылетели у него из головы. А значит, если ОУМ не хотел стать свидетелем и, что гораздо неприятнее, объектом,

на который будет направлен результат серьезного сбоя лица Высшего ранга, ему следовало срочно напомнить Контролеру о различиях в статусе собеседников.

– Первый Контролер исполняет волю Беграны, а я всего лишь должен предоставить данные для его собственного анализа обстановки, Высший, – он сделал паузу и осторожно добавил: – К тому же, согласитесь, основания для некоторого беспокойства все-таки есть. Коэффициенты «Трай», «Монек», «Стуро» и еще некоторые неуклонно растут.

Планетарный Контролер замер, видимо уловив что-то в интонации. Что ж, смешно было ожидать от такта виртуозного умения вести дипломатическую беседу. Но главное было сделано. Контролер окинул своего собеседника уже совершенно спокойным взглядом, а потом демонстративно неторопливо вернулся к своей консоли, привычным жестом извлек из-под нее несколько тонких волоконно-оптических кабелей с жаловидными разъемами и воткнул их в затылочную часть черепа. Это послужило неким признанием, что потуги Е-7127 замечены и оценены по достоинству.

– Каков ваш коэффициент «Юкью»?

– Сто пятьдесят семь, Высший.

Контролер медленно кивнул:

– Странно, среди моих ОУМов никто недотягивает даже до сотни. Вы из новой серии? Е-7127 сделал утвердительный жест и пояснил:

– После Нового Терминума были пересмотрены многие требования.

Контролер повернулся в сторону мониторной стойки, бросил пальцы на пульт и, набрав какую-то команду, снова поднял взгляд на собеседника:

– Вы правы, внешне ситуация выглядит довольно тревожно. Но Земля – необычная планета. И к ней нельзя подходить со среднестандартными мерками. К моменту начала принуждения к Обращению она находилась еще на очень низкой ступени развития. А потому основной генофонд имеет чрезвычайно высокий коэффициент выживания. Слой аборигенов, обладающий навыками примитивного земледелия и скотоводства, был необычайно велик даже в крупных городах. Поэтому, несмотря на крайне суровые природные условия, мелкие неорганизованные группы, на которые мы обычно не обращаем внимания, не только не вымерли в первые же годы, как это происходило на иных обращенных планетах, но даже создали свой примитивный вариант цивилизации. В то же время существенная часть созданных нами куклосов требует постоянной подпитки продовольствием, топливом, специальными культурами. – Контролер замолчал, то ли отвлекшись на какой-то сигнал, поступивший прямо в мозг через волоконно-оптическую линию, то ли давая Е-7127 возможность осмыслить сказанное. – Но все эти затруднения нельзя рассматривать в отрыве от общей картины. А эта планета, повторяю, очень необычна. Вариативность базового генофонда почти на два порядка выше среднестатистической. Это звучит чудовищно, но мы даже допуски размножения определяем скорее по ассоциациям со среднестатистическими параметрами, чем на научно разработанной основе. И оболочечный генофонд не менее вариативен. Сотни тысяч, миллионы видов флоры и фауны. И крайняя агрессивность. Ни одна специальная культура не может удержать в местных условиях стабильные характеристики. Даже Барьеры. Эта планета уникальна практически по всем параметрам. Поэтому то, что в других условиях следует считать серьезным отклонением, требующим немедленной коррекции, здесь может даже не доходить до границ стабильности. Поэтому я считаю любое силовое вмешательство преждевременным.

Е-7127 согласно наклонил голову.

– Первый Контролер благодарен вам за предоставленный анализ. Он хотел бы иметь возможность более детально ознакомиться с накопленным материалом, а также дополнить ваши данные результатами наших исследований.

Последняя фраза означала, что Первый Контролер Разрушителя настаивает на необходимости проведения собственной программы исследований. Это было не совсем корректно.

Е-7127 показалось, что во взгляде Планетарного Контролера мелькнула тень недовольства. Но, возможно, только показалось. Урок, полученный Контролером в начале беседы, был еще слишком свеж в памяти, чтобы Высший подобного ранга мог позволить себе так скоро повторить ошибку. К тому же Планетарный Контролер не мог не понимать, что решение принято на Бегране. И возможности воспротивиться ему у Планетарного Контролера крайне ограничены. Высшие Контролеры никогда не позволяли себе отменять решения друг друга.

– Мои аналитики в вашем распоряжении. А собранные вами данные, несомненно, окажутся полезными Системе Планетарного Контроля. – Произнеся эти слова, Планетарный Контролер отвернулся к мониторной стойке, явно давая понять, что аудиенция окончена. И ОУМ постарался быстро и бесшумно покинуть личное помещение Планетарного Контролера.

Когда он добрался до тамбура-накопителя, там одиноко маячил только такт-ОУМ, который встречал их челнок. Двухсекундный обмен импульсами дал Е-7127 всю необходимую информацию. Похоже, Планетарный Контролер отдал распоряжения, когда длилась их беседа либо немедленно по ее окончании. И сейчас Аналитик, которого он привез с Разрушителя, уже сидел в Аналитическом секторе Планетарного Контроля и заканчивал получение информации во вживленные мнемоблоки. Так что ОУМ вполне мог потешить свою человеческую составляющую такой в общем-то достаточно невинной эмоцией, как удовлетворение. Он выполнил поручение Первого Контролера практически на сто процентов.

По информации диспетчерской службы, следующее стартовое окно открывалось только через три часа. И хотя двигатели челнока способны были выбросить его на орбиту при полной загрузке даже с полюса планеты, имеющей, по сравнению со здешней, в четыре раза более мощную гравитацию, лишний расход энергии и ресурса был абсолютно ни к чему. Да и Аналитик вряд ли справится раньше. И потому, когда встретивший его ОУМ с флегматичной миной на красно-коричневом лице предложил осмотреть Парки, Е-7127 согласился.

Парки содержались в идеальном порядке. Длинный ряд машин сиял чистотой. Большая часть техники была стандартной. Но неподалеку от выездных ворот стояло два десятка десантных ботов довольно необычного вида. Около них как раз возились Измененные-техники. Е-7127 заинтересованно подошел поближе. Судя по несколько потускневшему покрытию и тщательно заделанным, но ясно различимым сенсорами царапинам, эти боты использовались намного чаще, чем остальная техника. Местный ОУМ молча стоял в стороне и смотрел на него. Вероятно, он вообще был молчалив. Е-7127 указал рукой на большой обтекатель с правого борта:

– Что здесь?

Техник был из состава обычного планетарного персонала и потому не имел встроенного модема. Но, похоже, ему довольно часто приходилось общаться с тактами. И, судя по его почти-напряженной позе, он узнал в собеседнике ОУМа.

– Гидролокационная станция, Высший.

Е-7127 не поворачиваясь послал своему сопровождающему удивленный запрос. Но тот ответил коротким импульсом, означавшим что-то вроде: «несущественно» или «наплевать». Это означало, что брат-ОУМ может сам разбираться со всем этим дерьмом, если оно его так уж заинтересовало. Что ж, недаром Планетарный Контролер жаловался на низкий коэффициент «Юкью» своих ОУМов. У этого он, похоже, был заметно ниже сотни. Хотя, с другой стороны, судя по морщинам, многочисленным шрамам и явно различимой даже невооруженным глазом разнице в тонировке различных частей доспеха, ОУМ прожил долгую и трудную жизнь. А это был факт, который перевешивал все остальное. Несмотря на то что Единение уже давно не вело широкомасштабных войн с равным по силе противником, последние полторы сотни планет приходилось силой принуждать к Обращению. Да и первые годы после Обращения обычно бывали довольно бурными. Впрочем, как правило, не такие, как были на этой планетке. Но все равно, средний срок активного существования рядового такта обычно не превышал десяти

лет, а ОУМов – двадцати. До морщин доживали единицы. А основным принципом тактов был: «кто выжил – тот и прав». Так что ОУМу новой серии под индексом Е-7127 стоило выкинуть из головы все эти высокомерные мыслишки и сначала дожить до таких лет. Поэтому он просто повернулся к заинтересовавшим его ботам и еще некоторое время рассматривал их, медленно обходя по кругу. Потом протянул руку и откинул панель обтекателя.

– А это что?

Техник услужливо ответил:

– Это сдвоенные сонары станции наведения. – Он наклонился над бортом и указал на обтекатель поменьше, закрывающий наплыв в передней части корпуса. – Вот здесь кассеты с гидроударными пилларами, – и, покосившись на флегматично стоящего рядом старого ОУМа, осторожно пояснил: – «дикие» любят прятаться под водой.

Е-7127 вновь повернулся к старому такту и послал запрос. На этот раз тот ответил:

«„Дикие“ используют толщу воды, чтобы оставаться незамеченными нашими сенсорами. У некоторых даже сохранились примитивные воздухообеспечивающие аппараты. Мы были вынуждены организовать патрулирование некоторых озер и рек».

«Они наносят урон?»

«Теперь нет».

Е-7127 пару мгновений осмысливал полученную информацию. Тремя фразами старый ОУМ сообщил ему очень многое. Во-первых, «дикие» доставляли Планетарному Контролю столько неприятностей, что пришлось организовать патрулирование. Что для планеты, при-
нужденной к Обращению почти пятьдесят оборотов назад, было из ряда вон выходящим событием. И во-вторых, они до сих пор сохранили некоторые остатки технологий. А это уже прямо указывало на то, что хотя бы у части «диких» существовало сложноструктурированное общество. И это было уже серьезно. Никакой вариативностью базового генофонда этого не объяснить. Структурированный «дикий» генофонд – это угроза Обращению. Впрочем, Е-7127 прекрасно понимал, что разговор с Планетарным Контролером уже закончен. И ничего более сделать нельзя. Единственное, что ему остается, – это сообщить всю информацию Первому Контролеру Разрушителя. Возможно, Аналитик накопил ничуть не менее интересные факты. В этот момент как раз пришло сообщение от челнока, что Аналитик уже на борту, а окно старта откроется через сто мерных импульсов. Старый ОУМ, модем которого также засек это сообщение, с тем же равнодушным видом повернулся и двинулся в сторону ворот, ведущих на стартовую площадку.

Когда основная стартовая перегрузка упала до терпимой величины, Е-7127 вдруг поймал себя на мысли, что, пожалуй, абсолютно напрасно усомнился в «Юкью» старого ОУМа. Тот вел себя с обычной невозмутимостью и равнодушием туповатого исполнительного механизма, но ведь при этом он поволок гостя именно в Парки. Причем именно через те ворота, рядом с которыми и стояли эти переоборудованные боты. Только вот что он хотел этим сказать?

5

– Стой. Привал... Стой, да остановись же...

Тяжелая рука отца упала на плечо мальчика. И до Уимона наконец дошло, что можно перестать двигать тяжеленные, будто налитые свинцом ноги и остановиться. Он облегченно выпрямился, постоял, дожидаясь, пока пройдет боль в затекшей пояснице, затем стянул с плеч лямки мешка и осторожно опустил его на землю. Отец наблюдал за его действиями, привычавшись и раздраженно закусив губу. Мешок Уимона был почти на треть легче мешков других мальчиков, которых Редд-родитель определил в ученики охотников. Однако остальные волокли свой немаленький груз, весело переговариваясь и одолевая охотников настырными вопросами, а сын лучшего охотника куклоса еле добирался до очередного привала. Впрочем, Уимон был самым маленьким среди своих сверстников. На вид ему вряд ли можно было дать больше семи лет. Но Торрей напрочь отметал все попытки Оберегательницы Аумы осторожно обратить на это его внимание.

– Контролер выдал ему полный допуск, – рычал он, вот так же упрямо привычавшись. – Никто в куклосе не имеет полного допуска. Значит, парень абсолютно здоров. Просто он ленился.

Его уверенность в непогрешимости Контролера и вообще любого Высшего и раньше была непоколебимой, а сейчас превратилась в манию. Но Аума сдавалась не сразу:

– Но ты же знаешь, что большая часть тех, кто был отравлен ядом Барьера, или умерли, или, в лучшем случае, стали Иждивенцами. А ведь мальчик получил очень большую дозу.

– Контролер выдал ему полный допуск!

На этой фразе очередной разговор Аумы и Торрея о будущем Уимона всегда и заканчивался. После чего Желтоголовый Торрей еще тяжелее нагружал мешок сына и безжалостно гнал его в леса с партией учеников. Всем своим видом показывая, что уж на этот-то раз он совершенно не намерен позволять сыну лентяйничать. Но стоило ему на первом же привале увидеть покрасневшее и покрытое разводами пота лицо сына, как вся его решимость улетучивалась.

Уимон опустился на траву и вытянул гудящие ноги. Несмотря на свой юный возраст, он научился хорошо понимать людей. Особенно взрослых. Сверстники зачастую и сами не очень-то знали, чего им хочется. Со взрослыми было легче. Но было и непонятное. Уимон относил это к своему пока еще недостаточному знанию некоторых особенностей взрослой жизни. Вот, например, почему Нумр так бесится, когда Сган делает Лии очередного ребенка? И зачем он так часто занимается с Лией тем же самым, если никаких детей у Лии от него не будет? Их единственный ребенок прожил только восемь недель. А когда осенью Лия понесла в Енд высушенную ручку своего малыша, чтобы сделать анализ тканей, то выяснилось, что Контролер запретил Нумру участвовать в линии размножения. Так что весь этот труд, после которого с Лии и Нумра ручьями тек пот, казался мальчику абсолютно бессмысленным. Но Нумр и Лия отчего-то занимались этим считай каждый день.

– Уимон, смотри, двулистник. – Тарвес подскочил к нему и с размаху шмякнулся на свой сухопарый зад, даже не поморщившись от гулкого удара.

За последний год он изрядно вытянулся и раздался в плечах. Когда они стояли рядом, Тарвес возвышался над приятелем почти на две головы. Уимон частенько ловил на себе его покровительственные взгляды. Но мальчик относился к этому философски. В конце концов Тарвес оставался единственным из всех детей куклоса, кто не шептался и не хихикал у него за спиной. Никто не рисковал слишком уж задевать лучшего приятеля самого сильного мальчика куклоса.

– Уимон, да ты что, заснул?

Мальчик улыбнулся приятелю:

– Нет. Но ведь чтобы загадать желания, надо два двулистника.

– Так пошли искать!

Уимон покачал головой:

– Я лучше посижу.

– Ну как знаешь. – И, не дожидаясь ответа, Тарвес рванул в заросли, откуда доносились звонкие голоса детей, собирающих хворост для костра. Уимон огляделся. Двое охотников с помощью юных помощников собирали навес, а отец выкладывал из мешка продукты и пучки сушеной травы. Хотя это был всего лишь обеденный привал, взрослые не упускали возможности лишний раз потренировать кандидатов в охотники в искусстве устройства длительной стоянки. Поэтому стоянку устраивали по всем правилам, как для ночлега или для охотничьего стойбища.

Отец затыкнул горловину мешка и бросил на сына раздраженный взгляд. Уимон был единственным, кто не принимал участия в обустройстве стоянки. Мальчик вздохнул и поднялся на ноги. Что ж, таково правило: в охотничьей экспедиции все должны подставлять плечи под груз и делать свою долю работы. К тому же сейчас он мог сделать то небольшое, что в общем-то и примиряло других людей с его присутствием в экспедиции. Сваренную им похлебку одобрила даже Туна-кухарка. А что уж говорить об охотниках, не привыкших к особым разносолам.

Вечерний переход был коротким. Однако при приближении к месту, выбранному старшими для ночного привала, возникла тревога. Первым неладное, как всегда, заметил Торрей. Его желтая голова, до того спокойно маячившая впереди, внезапно исчезла, а затем донеслось приглушенное сопение барсука, означавшее сигнал опасности. Охотники отреагировали с привычной сноровкой. Мгновенно утихомилив детей, они перекинули со спины арбалеты, молниеносно взвели их, заложив, однако, в лоток не широколезвийную охотничью стрелу, оставившую в теле зверя страшные, глубокие раны, а другую – с тонким игольчатым наконечником, которая используется для охоты только на одного зверя, имя которому – человек. Мальчишки, повинаясь охотникам, тут же рассыпались по кустам и замерли там, ожидая развития событий и кося по сторонам испуганными, но любопытными глазами.

Но ничего серьезного в этот раз не произошло. Через некоторое время появился Торрей. Он двигался быстро, но не прячась. Это означало, что непосредственной опасности нет. Поэтому все с облегчением покинули свои укрытия и собрались вокруг Желтоголового. Младшие не рискнули подойти вплотную, и потому расслышать разговор взрослых им было довольно трудно. Но маленькие желтые цилиндрики, которые показал старшим Торрей, увидели все. Эти цилиндрики назывались «гильзы» и означали, что где-то поблизости затаились «дикие».

Взрослые думали весь вечер. «Дикие» – это серьезно. Но цилиндрики были покрыты зеленоватым налетом окислов, значит, «дикие» ушли отсюда давно. А эта охотничья экспедиция была очень важной. Они забрались так далеко от куклоса именно потому, что в этих местах водилось много непуганого зверья. Река текла здесь среди обрывистых берегов, и троп к водооям было мало. Даже одна выкопанная на тропе к водою ловушка могла обеспечить куклос мясом на два зимних месяца. Упустить эту возможность означало обречь родичей на голодную зиму. А потому решили рискнуть и поохотиться.

На следующее утро большая часть детей отправилась копать яму-ловушку, трое, во главе с одним из старших, пошли рубить дрова для копчения, заготавливать колья и валить бревна для плотов, на которых они должны были сплавлять заготовленное мясо. А Уимон с отцом двинулись вверх по склону, чтобы разбросать соль. Лесные звери любят соль. После соли хочется пить. Значит, в яме-ловушке скоро будет много свежего мяса.

Первые мили Уимон прошел легко. Но потом склон круто пошел вверх, и ноги начали медленно, но неотвратимо наливаться знакомой свинцовой тяжестью, а заплечный мешок – все

сильнее оттягивать плечи. Однако Уимон упрямо карабкался вверх, стиснув зубы и смаргивая пот с ресниц.

Первую остановку они сделали мили через четыре. Отец, который за все это время ни разу не повернул голову, чтобы посмотреть на сына, молча остановился и, дождавшись, пока мальчик добредет до него, протянул руку. Уимон с облегчением стянул с плеч мешок. Отец так же молча развязал его, достал несколько кусков желтоватой соли и, спрыснув их «пахучкой», буркнул сыну:

– Жди здесь.

Поднырнув под склоняющиеся над землей ветви деревьев, отец исчез. Уимон огляделся и заметил впереди поваленное дерево. Подхватил мешок и двинулся к нему. Пристроив мешок в развилке между сучьев, он осторожно опустился на замшелый ствол и вытянул гудящие ноги.

Отца не было долго. Уимон успел вздремнуть. Вдруг послышался треск сучьев. Мальчик вскинулся и, сонно потеряв глаза кулаками, быстро накинуд на плечи лямки мешка. А затем торопливо выбрался на середину тропы, забыв, что отец всегда передвигался по лесу бесшумно. Треск приближался. Мальчик насторожился, различив какие-то непонятные звуки – топот, странное чавканье. Мальчик замер. Из-за поворота показался здоровенный черно-бурый секач-одиночка. По-видимому, для него эта встреча также оказалась полной неожиданностью. Секач остановился и, поведя из стороны в сторону крупным буро-розовым пятком, шумно втянул в себя воздух. Мальчик и кабан неподвижно стояли друг против друга, а потом Уимон осторожно, стараясь не делать резких движений, начал медленно отходить назад и вбок. Мальчик действовал инстинктивно. Никто и никогда не объяснял ему, как следует вести себя при встрече с диким кабаном.

Уимон успел добраться почти до самого дерева, на котором он так славно прикорнул. Но когда ему осталось сделать всего несколько шажков спиной вперед, под ногу попала ветка. Ветка хрустнула, нога подвернулась, мальчик громко ойкнул и рухнул на тропу. Кабан взревел, вздыбил шерсть на загривке и бросился вперед. Уимон расширившимися от ужаса глазами завороченно смотрел, как громадный зверь, выставив огромные желтовато-серые клыки, огромными прыжками приближается к нему. Когда на мальчишку уже пахнуло мокрой шерстью и жаркой кабаньей яростью, откуда-то слева выметнулась знакомая гибкая фигура с растрепанными светлыми волосами и повисла на загривке у кабана, заставив массивное тело слегка изменить направление. И вместо того чтобы поддаться на клыки беззащитное маленькое тельце, секач со всего маха вломился в густой орешник. Несколько минут мальчик неподвижно лежал на земле, повернув голову в сторону зарослей и оцепенело вслушиваясь в доносившийся шум, треск и остервенелый кабаньий рев. Но потом перевернулся на живот, приподнялся на дрожащих руках и, подтянув к себе упавший заплечный мешок, развязал шнурок и вытащил массивный топорик-клевец. Отец взял его, чтобы откалывать куски соли от большого камня, который он нес в своем мешке. Вцепившись в удлиненную рукоять, Уимон бросился вперед по пролому, оставленному в зарослях массивным кабаньим телом.

Отца он догнал всего в трех десятках шагов от тропы. Схватка довела противников до полного изнеможения. Секач пропахал в орешнике здоровенную борозду, волоча за собой повисшего на нем охотника. Но в конце концов Торрей сумел завалить секача на бок. И теперь, ухватившись за клыки, из последних сил прижимал к земле морду и передние ноги хрипло дышащего зверя. Но даже в таком виде секач представлял собою страшное зрелище. Мальчик остановился, прижмурил глаза, позволив приступу животного страха на секунду овладеть своим сердцем, но затем снова широко распахнул глаза и, перехватив поудобнее короткую рукоять клевца, двинулся вперед. Торрей не видел сына. Похоже, он вообще ничего вокруг не видел, отдавая все силы этой неравной схватке.

Когда на Уимона повеяло запахом первобытной животной ярости и жаром напряженных мышц, он испуганно замер, но потом сознание того, что, если он ничего не сделает, отца ждет

неминуемая и страшная смерть, заставило его сделать шаг, потом еще шаг и наконец он со всего размаха воткнул узкий и чуть изогнутый клюв клевца в налитый кровью глаз секача. Кабан взревел, мотнул головой, отшвырнув повисшего на его клыках охотника, как обломанную ветку, и резко развернулся. Но острый наконечник топорика, пробив глаз животного, вошел в мозг. Секач смог сделать всего лишь один скачок, ударив своим пятакон в живот мальчика и сбив его с ног. А затем передние ноги зверя подогнулись, морда уткнулась в землю, и задние копыта, сделав несколько судорожных движений, замерли навсегда.

Ребенок и взрослый долго лежали по разным сторонам мертвого зверя, не в силах пошевелиться. Охотник сразу и не понял, что все уже закончилось. А Уимону показалось, что последний удар высосал из него все оставшиеся силы, не оставив ни капельки даже для того, чтобы держать открытыми веки, не говоря уж о том, чтобы выползти из-под кабаньей морды, придавившей ему ноги. Но вот Торрей наконец открыл глаза и приподнял голову. Он недоуменно пялился на мертвую тушу, но затем разглядел торчащий из глаза топорик-клевец. Глаза его изумленно расширились, и он, неуклюже, но торопливо поднявшись на четвереньки и помогая локтями дрожащим ногам удержать тело, пополз к кабану.

Увидев неподвижно лежащего сына, придавленного кабаньей мордой, охотник скрипнул зубами и, навалившись своим весом на левую сторону животного, выдернул сына из-под мертвого секача. Веки мальчика дрогнули и приоткрылись. Торрей выдохнул:

– ...Жив! – и обессиленно привалился к боку кабана.

До стоянки они добрались только к полуночи. У отца был сильно разодран бок, правая рука располосована кабаньими клыками и, похоже, сломано два или три ребра. А Уимон отделался несколькими царапинами, но был так измучен, что отцу пришлось большую часть дороги просто нести его, останавливаясь через каждые полсотни шагов. И потому путь, который утром они прошли за два часа, занял более двенадцати.

На следующее утро Уимон проснулся сам. Несколько мгновений он, жмурясь, поводил глазами по сторонам, недоумевая, почему, несмотря на то, что солнце уже довольно высоко, его никто не растолкал. Но тут в костре треснул уголек и Уимон дернул головой, отчего все тело пронзила такая острая боль, что мальчик, не удержавшись, застонал.

– Уимон! Что с тобой? Тебе больно? Где болит? – над ним склонилась лохматая голова Тарвеса. Прикрыв глаза, Уимон молча переждал вспышку боли, а потом ответил:

– Нет, уж прошло.

Одновременно с болью он вспомнил вчерашний день.

Тарвес серьезно глядел на него:

– Взрослые сказали, что тебе надо лежать. Есть будешь? У меня тут для тебя горячая похлебка и жареная печень. Итрон принес.

Не дожидаясь ответа, Тарвес исчез. Пока Уимон собирался с силами, чтобы сказать, что у него нет никакого желания что-нибудь в себя вталкивать, Тарвес уже вернулся, приволок деревянную миску-колоду со вкусно пахнущим варевом и оструганную ветку с нанизанными на нее кусочками жирной печени.

– Твой отец и остальные с рассвета отправились к убитому тобой кабану. А пару часов назад вернулся Итрон и принес для тебя печени и мясо для похлебки. – Мальчик замолчал, а потом произнес уже другим тоном: – Уимон, а как тебе удалось его убить? Итрон говорит, что кабан очень большой. Им пришлось даже делать две волокуши, потому что на одной не утянешь...

– Я не помню, Тарвес. Я просто... ну как бы знал, что надо делать.

Этот день пролетел быстро. К вечеру, когда вернулись охотники, притащив две здоровенные волокуши, нагруженные кабаньим мясом, Уимон сумел встать и встретил их у коптильни. Отец не тащил волокуши. Он шел впереди, опираясь на плечо одного из подростков и прихрамывая. Увидев сына, он ускорил шаги:

– Как ты?

Мальчик пожал плечами, сдержавшись, чтобы не сморщиться от приступа глухой боли, вызванной этим простым движением:

– Нормально.

Они помолчали. Потом Торрей спросил:

– Как тебе это удалось?

Уимон поднял голову и посмотрел отцу в глаза.

– Не знаю. – Он сделал паузу и попытался пояснить. – Мне показалось, что у него слишком толстые кости, и я решил ударить в глаз.

Торрей искривил губы в странной улыбке:

– Ты попал ему в глаз с первого раза. А удар был такой силы, что топор пробил мозг и воткнулся в кость с другой стороны черепа. Причем так, что нам даже не удалось сразу вытащить клевец. Пришлось поддеть копьем.

Они помолчали. За последний день с ними произошло так много неожиданного, что сила, с которой девятилетний мальчик, обычно несущий в заплечном мешке только половину груза и быстрее всех выматывающийся на переходе, вонзил клевец в голову секача, уже не казалась чем-то особо невероятным. Как и то, что он попал в глаз зверя с первого же раза.

Между тем вокруг нарастала суета. Мясо сгрузили и разделили. Часть детей была отряжена на засолку той доли, что была предназначена для вяления. Остальное стали готовить к копчению. Взрослые уже раскочегаривали коптильню. Она должна была работать всю ночь. Но вся эта суета не задевала этих двоих. То, что они совершили, как бы отделило их от остальных, возвысило. Отец поднял левую руку и провел по взъерошенной голове сына.

– Ладно, похоже, все самое страшное позади. – И, помолчав, добавил: – Ты был молодцом.

В эту минуту с той стороны, где они выкопали ловушку, раздался гулкий звук. Все замерли, а Торрей, вскочив на ноги, произнес побелевшими губами:

– «Дикие»...

6

– Эй, парень, пора бы тебе уже научиться уважению!

Вслед за этим послышался глухой удар и Торрей, застонав, рухнул на землю. Уимон съехался. В то время как остальные «дикие» демонстрировали по отношению к пленникам презрительное равнодушие, этот чернявый, жилистый тип с маленькими бегающими глазками и гнусавым голосом все время выискивал поводы для придинок. Он так и норовил пнуть кого-нибудь, хлестнуть плеткой или врезать кулаком. Вот и сейчас он с довольным видом наблюдал за тем, как Торрей, перевязанный уже почерневшими от грязи полосами полотна, стиснув зубы, пытается подняться, опираясь на здоровую руку. Когда отец уже подтянул ногу, чтобы стать на колено, чернявый шагнул вперед и со злорадной ухмылкой врезал отцу по руке. Тот вновь рухнул лицом на землю. Чернявый дробно рассмеялся и произнес с наслаждением в голосе:

– А это тебе, чтобы получше запомнил.

Люди куклоса стояли вокруг, вжав головы в плечи и старательно отводя глаза. Уимон медленно обвел взглядом испуганные лица, а потом повернулся и, глядя прямо в отвратительную довольную рожу, тихо, но твердо произнес:

– Тебе лучше меня убить. Потому что я никогда этого не забуду. И когда вырасту, то, где бы ты ни прятался, я отыщу и убью тебя.

Чернявый резко оборвал смех:

– Что-о-о? Ах ты, щенок...

Он с угрожающим видом тронулся вперед, но откуда-то из глубины тени, со всех сторон обступившей костер, раздался спокойный голос:

– Если ты тронешь парня хотя бы пальцем, Гугнивый, тебе придется иметь дело со мной.

Чернявый растеряннo пялился в темноту, откуда донеслись эти слова, а потом растеряннo пробормотал:

– Но, Иззекиль, ты ж слышал, что он сказал.

– Слышал. – Говоривший шагнул вперед и вступил в освещенный круг. Он оказался высоким, жилистым мужчиной, одетым в такой же наряд, как и остальные «дикие», – странный головной убор с загнутыми вверх широкими полями, куртка, обшитая бахромой, такие же брюки и высокая обувь, которая, как уловил Уимон из их разговоров между собой, называлась «сапоги». – И полностью его одобряю. Я говорил тебе, чтобы больше ты не распускал руки?

Уимон внимательно посмотрел на этого человека. Среди тех, что напали на них позавчерашней ночью и теперь гнали куда-то на север, он его точно не видел. За прошедшие два дня люди куклоса успели хорошенько рассмотреть своих похитителей. Главное в них было – высокомерие и грубость. Этот же был другой. Пожалуй, высокомерия в нем было ничуть не меньше, но ощущалось и кое-что еще. Что-то, с чем Уимон прежде не сталкивался. Этот человек обладал здесь большой властью. Во всяком случае, чернявый даже и не подумал возмущаться. А только уныло затынул:

– Но, Иззекиль, он...

Тот, кого называли этим странным именем, быстро перехватил левой рукой свою причудливую палку, способную, как все они уже знали, метать убийственный огонь, и резко, без замаха, выбросил вперед правую руку.

– А это тебе от меня.

Чернявый шмякнулся на землю.

– Пусть это послужит уроком тебе. – С этими словами Иззекиль отвернулся от ослушника и посмотрел на Уимона.

– Кем он тебе приходится, парень?

– Отец.

Говоривший кивнул.

– Что ж, хорошо, господь велел чадам заботиться о своих родителях. – Он окинул его внимательным взглядом. – Сколько тебе лет, ребенок?

– Девять.

Он покачал головой:

– Ты не очень-то похож на девятилетнего.

Уимон промолчал. А мужчина наклонился, схватил его за подбородок и, повернув голову, принялся рассматривать царапины на его лице и худых ключицах. Потом, подойдя к его отцу, так же тщательно осмотрел и его:

– Откуда у вас эти царапины?

Торрей опустил взгляд и, облизав пересохшие губы, глухо ответил:

– Кабан...

– Ты убил кабана? – удивился Иззекиль.

– Не я, сын...

Иззекиль долго буравил Уимона удивленным взглядом, а потом медленно произнес:

– Ты пойдешь со мной.

Но тут со стороны толпы, состоявшей из подошедших похитителей, раздался сварливый голос:

– Мы уже заплатили пошлину за проход по вашей земле, Иззекиль.

И его поддержал приглушенный гул недовольных голосов. Иззекиль резко, так что толпа от этого движения даже подалась назад, развернулся и уставился на говорившего.

– Вы, работоторговцы, ходите по земле только милостью господней. И не вам устанавливать на ней законы. Я сказал, что он пойдет со мной. А если кто-то рискнет оспорить это... – Он резко оборвал свою речь, угрожающе лязгнув чем-то на своей огнеметательной палке.

Над поляной повисла напряженная тишина, а потом тот же голос примирительно произнес:

– Ладно, не кипятись, нам не нужны неприятности с Солдатами господа. Если тебе нужен этот сопляк – бери, делов-то...

Иззекиль молча кивнул и повернулся к Уимону.

– Итак, дитя, ты идешь со мной.

Но тот упрямо набычился:

– Без отца не пойду.

Иззекиль поглядел на угрюмо молчащую толпу и усмехнулся:

– Что ж, мальчик, значит, пойдете вы оба, – и вышел из освещенного круга.

Уимон почувствовал, как холодный ком, находившийся где-то внутри него все эти два тяжелых дня, внезапно растворился. А когда он посмотрел на родичей, то заметил, что по их лицам тоже пробежало какое-то странное выражение, что-то вроде тщательно скрываемого даже от самих себя облегчения. И он понял, что все это время они были страшно испуганы. Хотя сами, похоже, об этом не догадывались.

В тот вечер все произошло слишком стремительно. Не успел еще звук выстрела раствориться в ночном воздухе, а взрослые, бросившиеся к своим арбалетам, взвести тетиву и наложить стрелу, как со стороны копильни послышалось:

– Ну вы, грязь, всем стоять!

Из темноты выступило несколько темных фигур со странными причудливыми палками в руках, направленными в их сторону. Один из взрослых, молодой охотник, вскинул свой арбалет, разрядив его в одну из приближавшихся фигур, бросился вперед, пытаясь проскользнуть в образовавшуюся брешь. Арбалетный болт попал нападавшему в плечо, и тот с криком выронил свою палку и упал. Один из нападавших вскинул к плечу свою причудливо искривленную

палку, раздался гулкий грохот. Все невольно съежились, а беглец вздрогнул, будто споткнувшись, и с размаху рухнул на землю, перекатившись через левый бок. Чей-то голос злорадно произнес:

– Хотел привести «железнозадых», ублюдок?

Потом взрослых повалили на землю и начали пинать ногами, а детям отвесили по паре затрещин. Затем их заставили закончить работу с мясом кабана. А утром, после бессонной ночи, нагрузили взрослых и подростков копченым и подвяленным мясом, выстроили по двое, умело связав им руки их же веревками, и привязали всех еще к одной длинной веревке. Так, сдвоенной колонной, и погнали на север.

Отряд двигался быстро. На первом же привале мешок Уимона пришлось полностью разгрузить, распределив его поклажу между остальными. Но даже налегке он к концу каждого перехода выматывался так, что Тарвесу, который шел с ним в одной связке, приходилось буквально волочь его на себе.

«Дикие» следовали впереди и сзади колонны, взгромоздившись на лошадей, морды которых были опутаны какими-то ремешками. Лошади были несколько крупнее, чем те, на которых охотники куклоса охотились в южных долинах. А по бокам колонны, высунув красные слюнявые языки и злобно поблескивая глазами, бежали псы. И это убивало надежду на побег получше, чем веревки и огненные палки «диких». Вышние учили, что люди имеют право властвовать только над людьми, и возможная смерть от клыков и копыт прирученных животных пугала больше, чем смерть от руки человека. Пусть даже и дикого. Похитители явно спешили покинуть эти места. Хотя Уимон никак не мог понять, чего они опасаются. Впрочем, сегодняшнее происшествие кое-что объясняло.

На следующее утро Уимона с отцом отделили от общей колонны и отогнали к их вчерашнему заступнику, разбившему бивак в полумиле от основного лагеря. Судя по многочисленным следам, здесь обитало много народу, но сейчас человек со странным именем Иззекиль оказался единственным обитателем этой стоянки. Он встретил их дружелюбно, но веревки развязывать не стал. Только чуть ослабил узлы, чтобы веревка меньше натирала запястья, и привязал длинные концы к выюку, положенному на спину одной из двух запасных лошадей. Потом вскочил на спину лошади, высокомерно кивнул конвоирам и легко ударил каблуками в бока своему коню. Их маленькая колонна тронулась в путь.

Они шли довольно ходко, но темп движения был не таким выматывающим, как в прошлые дни. Иззекиль велел им оставить мясо, которое они волокли, но позволил взять с собой заплечные мешки со скудными пожитками. Разрешил навьючить их на запасную лошадь. Так что пленники двигались налегке. И если бы не веревка и не собаки, бегущие по бокам их небольшого отряда, можно было бы представить, что они с отцом просто накоротке выскочили из куклоса проверить силки.

До конечной точки маршрута они добрались дня за четыре. На второй день пути Иззекиль отвязал их от лошади, а на третий совсем снял веревки, пояснив:

– Мне нужны ваши руки. А бежать не стоит, безопасная дорога здесь одна, а собаки бегают быстрее людей.

И действительно, начиная со второго дня, их путь так петлял между оврагов и буераков, поднимался на каменные осыпи и опускался в узкие ущелья, что даже такой опытный следопыт, как отец, вряд ли сумел бы отыскать обратную дорогу. А на третий день после полудня тропа стала такой крутой, что «дикий» и сам не садился на лошадь, а вел ее за повод, затаскивая на склоны и подставляя плечо на спусках. А Торрей с сыном волокли запасных лошадей. Это был нелегкий труд. Отец работал наравне с Иззекилем, но по его лицу было видно, что всякий раз, когда он прикасался к этим прирученным животным, то с трудом преодолевал отвращение. Сам же Уимон, к большому удивлению, не чувствовал никакого отвращения. Ему даже

нравилось трогать их гладкую, бархатистую шкуру, так не похожую на грязную, всю в ранках от укусов, в мелкой шелухе и травинках шкуру их диких собратьев. На одном из привалов Иззекиль, заметив любопытный взгляд мальчика, сунул ему в руку скребницу и предложил:

– А ну-ка, парень, почеси бок Длинногровке.

И Уимон принялся не очень умело, но старательно работать нехитрым инструментом, чувствуя при этом какую-то затаенную радость. Радость осталась с ним даже после того, как все было сделано, а отец ясно дал понять, что ему не нравится такое поведение сына.

Куклос «диких» ничуть не походил ни на их куклос, ни на благословенный Енд. Хотя чем-то неуловимо напоминал последний. Дома были разбросаны на довольно большом пространстве и построены так, чтобы казаться частью ландшафта. Но именно казаться, а не быть им, как куклос. И к ним не вело никаких дорог – так, тропки, похожие на звериные. Куклос «диких» появился не сразу. Сначала им начали попадаться довольно крупные стада свиней, которые паслись в лесу, охраняемые собаками. Затем, ближе к селению, появились коровы, лошади и еще какие-то более низкорослые животные с густой и длинной шерстью. На опушках и полянах они увидели высоченные кучи срезанной травы. А в самом селении им то и дело попадались под ноги многочисленные стаи водоплавающей птицы. Вся эта живность совершенно не боялась людей и подходила так близко, что глаза Торрея невольно зажглись охотничьим азартом.

Чем ближе был центр поселения, тем больше народу высыпало посмотреть на вновь прибывших. В отличие от куклоса все были одеты столь пестро и разнообразно, что у мальчика зарябило в глазах.

Наконец Иззекиль остановил коня и спешился. Перед ними возвышалось строение, искусно втиснутое или, скорее, вписанное в промежуток между двумя раскидистыми дубами. Оно было увенчано прямоугольной башенкой с высокой пирамидальной крышей. В башенке висела странная конструкция, представлявшая собой вытянутую металлическую оболочку с длинным куском металла внутри.

Иззекиль воткнул свою стреляющую палку в кожаный чехол, притороченный к седлу, снял шляпу и, как он это делал уже не раз за время похода, последовательно прижав сомкнутые горстью пальцы ко лбу, животу и обоим плечам, двинулся вперед. В этот момент дверь отворилась, на пороге появился седой пожилой мужчина, одетый в длинную, ниспадающую многочисленными складками одежду. Иззекиль остановился перед ним и опустил на колени.

– Я вернулся, отец мой.

Так закончился их путь...

Они жили на ферме Иззекиля уже два месяца. Его жилище напоминало куклос гораздо больше, чем остальные строения селения. Да и располагалось оно гораздо дальше от церкви, чем остальные дома. Строго говоря, оно было построено далеко за пределами селения, за густым перелеском, заросшим таким колючим кустарником, что Уимону он иногда казался Барьером. Вот только Барьер пожирает любую живность, а этот перелесок буквально кишел пичугами, ящерицами и иными мелкими тварями. А тут еще и лестницы... Да и прирученной живности у Иззекиля жило как бы не поболее, чем в большинстве домов Нью-Питтесберга. Так интересно называлось это поселение.

Большая часть их дня была заполнена уходом за животными. И хотя отец по-прежнему не испытывал к прирученным животным ни толики привязанности, но и он мало-помалу привык. Так что выражение отвращения почти не появлялось на его лице. А Уимону вся эта возня с животными доставляла огромное удовольствие. Животные отвечали ему взаимностью. Даже Иззекиль удивлялся тому, что лошади, коровы и овцы при виде мальчика радостно тянули к нему свои морды и нежно всхрапывали, а собаки, стоило ему только бросить на них ласковый взгляд, следовали за ним по пятам и, виляя хвостами, улучали момент и облизывали ему нос.

По вечерам Иззекиль усаживал пленников в кресла и, торжественно раскрыв толстую тяжелую книгу, начинал нараспев читать:

– «...И сказал Господь Моисею: пойди к фараону и скажи ему: так говорит Господь: отпусти народ Мой, чтобы он совершил Мне служение.

Если же ты не согласишься отпустить, то вот, Я поражаю всю область твою жабами.

И воскишит река жабами, и они выйдут, и войдут в дом твой, и в спальню твою, и на постель твою, и в дома рабов твоих, и народа твоего, и в печи твои, и в квашни твои,

И на тебя, и на народ твой, и на всех рабов твоих взойдут жабы...»

Сказать по правде, они не очень понимали, о чем и про что эта книга. Но Иззекиль относился к этому странному вечернему времяпрепровождению чрезвычайно серьезно и... он был их хозяином. Поэтому они старательно слушали и искренне пытались понять его объяснения.

Каждое воскресенье Иззекиль отправлялся в церковь – так называлось то странное строение, поразившее их при первой встрече с Нью-Питтесбергом. А заведовал этой церковью тот самый человек в длиннополой одежде, которого, хотя он не был ни Родителем, ни Самцом, ни Мужчиной семьи, все называли «отцом» или «святым отцом».

Так кончилась осень. Снег покрыл землю, а пруды и ручьи, в которых плескались одомашненные птицы, затянуло льдом. Теперь по утрам Уимон выбегал на пруд с пешней, чтобы разбить наросшую за ночь на полынье корочку. Чтобы можно было набрать воды, да и гуси и утки могли бы немного поплескаться.

А однажды вечером Иззекиль вернулся с разлапистой зеленой елью. Он отряхнул снег с сапог и, повернувшись к Уимону, весело произнес:

– Ты помнишь, парень, скоро Рождество?

Уимон не понял, что означает это слово. Но от него повеяло чем-то радостным и волнующим.

На следующий день они наряжали елку. Украшали ее деревянными палочками, оклеенными крашенными в луковой шелухе осколками яичной скорлупы, ярко начищенными гильзами и кусочками кожи. А потом Иззекиль приволок из чулана тройной складень и коробку с удивительными вещами. Там были вырезанные из дерева и кости фигурки людей, животных и деревьев. Когда он развернул складень, вся его внутренняя поверхность оказалась одной сплошной картинкой. На ней были изображены дома, очень похожие на дома Нью-Питтесберга, только стоящие вплотную друг к другу, а также ночное небо с месяцем и звездами. Картинка стерлась, но даже оставшихся красок хватило для того, чтобы мальчик понял, какой яркой и красивой она была когда-то. Иззекиль трепетно провел по ней ладонью и благоговейно произнес:

– Это вертеп, Уимон, настоящий рождественский вертеп. Еще с прежних времен. Такой есть только у меня.

Утром они проснулись от колокольного звона. Мерные звуки плыли над спящими, укутанными толстым слоем снега полянами, над лесом, над застывшими озерцами, и казалось, что весь этот замерший, заиндевевший мир как-то меняется, светлеет. Разбуженный торжественными звуками, мальчик приник к почти затянутому морозными узорами маленькому оконцу и не заметил, как дверь его комнатки тихонько отворилась и на пороге вырос уже полностью одетый Иззекиль. Он приподнял жировую свечку, которую держал в руке, взгляделся в глаза мальчугана и торжественно произнес:

– Одевайся, мальчик. Сегодня ты идешь со мной. В церковь.

7

Торрей вонзил вилы в небольшую копенку, поддел и с натугой вскинул вверх. Уимон придержал копенку граблями, подтянул и чуть потоптался, поплотнее уминая поданное отцом сено. В отдалении послышался выкрик:

– Коу-коу! – и топот копыт.

А спустя минуту из-за поворота вылетели волокуши с новой копной. Иззекиль правил стоя. Он лихо подкатил к стогу и ловко развернулся, остановив волокушу в паре ладоней от ступней Торрея. Иззекиль вскинул руку, прикрывая глаза, и уставился на приближающиеся тучи.

– Поспешать надо. Сейчас такой ливень будет...

Уимон тоже посмотрел на тучи. Это действительно было величественное зрелище. Тучи громоздились в несколько этажей, нависая одна над другой и создавая подобие причудливых горных круч. Кручи напозлали одна на другую, играя всеми оттенками белого, синего и черного, как будто какие-то чудовищные скальные люди сошлись в жестокой битве, а глухие раскаты грома, время от времени доносящиеся оттуда, только усиливали мистическую картину битвы огромных каменных гигантов. А чуть дальше надвигалась сплошная черная стена. Мальчик зачарованно глядел в небо. Послышался резкий хлопок хлыста и веселый голос Иззекиля.

– Ну-ка, старушка, наддай...

Уимон обернулся. Сено было свалено с волокуши, и упряжка мчалась за новой порцией. В этот момент на Уимона обрушился очередной пук сена. Мальчик еле успел качнуться назад и придержать сено граблями, а отец уже наклонился за следующим. Все правильно, надо поспешать, а он пялится на небо, разинув рот.

Первые крупные, тяжелые капли упали на землю, когда Уимон еще уминал последний ворох. Отец и привезший последнюю копну Иззекиль вдвоем быстро перекидали ее на верх стога, так что мальчик был буквально завален сеном. Но он все-таки успел закончить работу и скатиться прямо в подставленные двумя взрослыми руки до того, как на землю рухнула стена дождя. Они бросились под защиту раскидистого дуба, стоящего у самой опушки, но за те пять-шесть секунд, пока бежали, – вымокли до нитки. Их укрытие для такого ливня оказалось явно слабовато. Скоро просочились первые капли, капли превратились в ручейки, а затем и в настоящие реки. Но Уимону уже было все равно. Отец и Иззекиль зажали его между своими телами. Мальчику стало тепло, и он задремал.

Прошедшие десять месяцев были для него удивительным временем. Все эти чудесные дни, называемые такими странновато-волшебными словами, – Сочельник, Новый год, День Святого Валентина, Пасха... Неужели Иззекиль говорил правду, когда рассказывал, что до прихода Высших так жили все люди на Земле?

Впрочем, Иззекиля все считали человеком, мягко говоря, со странностями. Но перечить ему не решались. Когда Уимон с Иззекилем появлялись на воскресной службе, все мужчины приветливо кивали мальчику, а женщины нарочито ласково гладили его по голове и умильно ахали, он чувствовал, что во всем этом много фальши. В общине не любили чужаков. И частенько, когда очередная женская рука приглаживала его непослушные вихры, мальчика буквально обдавало идущей от нее волной брезгливости. Он еле удерживался от того, чтобы не отшатнуться. Возможно, основной причиной такой острой реакции были его необычные способности. Еще в куклосе он поймал себя на том, что может верно определять глубинные побуждения и желания людей. И отлично чувствует ложь. А сейчас эти способности заметно усилились. И у него достало ума понять, что совершенно не стоит их открыто демонстрировать. Хотя временами скрывать подлинные чувства становилось сложно. С каждым посещением церкви шушуканье за их спинами становилось все громче и бесцеремонней. Община

никак не могла понять, почему такой ревностный христианин и завидный жених, как «молодой Иззекиль», уже успевший прославиться в пограничных стычках умелый воин, возится с этими «грязными язычниками».

Однажды Уимон и сам спросил его об этом. Они сидели вдвоем на задней террасе, устроенной с противоположной стороны скалы, – туда вел узкий скальный коридор естественного происхождения, но расширенный и укрепленный человеческими руками. В нишах этого тоннеля было устроено много стеллажей и кладовок для охотничьего снаряжения, рыболовных снастей и иной хозяйственной утвари. Иззекиль чинил сеть, а Уимон помогал ему, заодно обучаясь этому непростому искусству. Солнце уже зашло за скалу, и на террасе было прохладно. Тонкие нити сети в полумраке террасы казались серебряными. Мальчик, зачарованно наблюдавший за быстрыми, ловкими пальцами своего взрослого товарища, мелькавшими в отблесках призрачных лучей, внезапно спросил:

– Почему ты так возишься с нами, Иззекиль?

Тот замер, пораженный взрослым вопросом ребенка. Мальчик серьезно смотрел на него. Иззекиль выпрямился, потер уставшую спину и задумчиво наклонил голову.

– Не знаю, Уимон. Просто я подумал, что это будет правильный поступок. Мне показалось, что Господь не одобрит, если я оставлю такого мужественного парня в руках кр... – он запнулся и закончил не так, как собирался, – тех людей. – Потом помолчал и добавил: – И знаешь, я еще ни разу не пожалел об этом поступке. А у меня не так много поступков, о которых бы я не сожалел и не просил Господа простить меня за то, что я их совершил...

...Ливень закончился. Но он был таким сильным, что лесная просека, по которой они добрались на эти поляны, превратилась сначала в бурный ручей, а затем, когда вода немного схлынула, в непролазное болото. Так что дорога домой оказалась очень нелегкой.

Когда они, мокрые и грязные, вышли к знакомой скале, будто сказочный страж нависающей над домом, Иззекиль придержал коня. У коновязи, вкопанной под ольхой у крыльца, были привязаны две лошади. И, судя по притороченным мешкам и длинным седельным винтовочным кобурам у правого стремени, их хозяева люди отнюдь не мирные. Иззекиль нахмурился:

– Ко мне приехали гости. Займитесь хозяйством... – Запнувшись, добавил: – Вам пока не стоит появляться в доме.

Торрей молча кивнул и, не поднимая глаз, направился к хлеву. Он так и не смог до конца преодолеть неприязнь к прирученным животным, но уже как бы привык, сжился с ней. И свою долю работы выполнял старательно. Уимон замешкался, не зная, идти ли за отцом, или заняться лошадьми, которые паслись на лужайке за скалой. Иззекиль разрешил его сомнения, бросив ему поводья.

Уимон быстро загнал всех лошадей в конюшню и собрался вычесать их. Но на месте не оказалось ни одного скребка. Мальчик вспомнил, что несколько дней назад Иззекиль забрал скребки в дом, чтобы привести их в порядок. Иззекиль сложил скребки на верхней террасе. А туда можно проскользнуть незамеченным по боковой лестнице.

Мальчик быстро отыскал скребки, лежавшие на полке в дальнем конце террасы, и уже собрался бежать к лестнице, как дверь дома распахнулась и на пороге появился грузный ширококостный мужчина, одетый в высокие сапоги и куртку из оленьей кожи, покроем и цветом напоминавшую ту, в которую был одет Иззекиль во время их первой встречи. Разнесся его громкий и немного хрипловатый голос с властными нотками.

– ...смотри сам, Иззекиль, но эти два грязных язычника, которые живут у тебя в доме, совсем не прибавляют тебе популярности среди Солдат господа. В лагерях ходят неприятные слухи. Некоторые даже говорят, что ты оскорбляешь Господа, пытаешься обратить в нашу веру рожденных в грехе и блуде. – Он шумно вздохнул, протестующе взмахнул рукой, – видно, Иззекиль пытался что-то ответить. – Конечно, большинство в это не очень-то верит. Но они тоже недовольны. Так что на следующих выборах ты можешь и не сохранить пост Команданто.

Мальчик присел за креслом-качалкой. Послышался глухой голос Иззекиля:

– Господь сам обращал язычников, а Мария Магдалина...

Мужчина взмахнул рукой, прерывая его:

– Перестань. Ты же знаешь – кому и когда зачать ребенка, у людей куклосов определяют проклятые Контролеры. И они же решают, кому из них жить, кому умереть, а кого превратить в этих уродов с двумя головами или там четырьмя руками. – Он скрипнул зубами. – Они выводят людей, как мы скот. Хуже, чем скот! – Он замолчал.

Несколько минут на террасе стояла тишина, а потом опять послышался упрямый голос Иззекиля:

– Если бы во времена Господа были Контролеры, откуда бы ему взять...

– Не богохульствуй!

На террасе снова повисла тишина. Потом мужчина заговорил, но на этот раз увещающим тоном:

– Ты же знаешь, Иззекиль, я тебе не враг. И потому не советую спорить со Старейшинами. А они уже интересуются тобой. Так что если ты не хочешь предстать перед Советом епископов или, что еще хуже, перед Старейшинами ревнителей веры, тебе стоит принять мое предложение и присоединиться к нашему рейду. И подумать, как избавиться от этих твоих... – Он запнулся, не решаясь назвать их тем словом, которое рвалось с его языка, но не придумал другого. – Лучше всего было бы отправить их туда, куда их «кроты» и гнали...

Похоже, Иззекиль порывался что-то сказать, потому что гость слегка возвысил голос:

– ...но я понимаю, что ты на это не согласишься. Так что лучше всего отвести их подальше от Освященной земли и отпустить. Может, Господь сподобит их добраться до какого-нибудь куклоса. – Он сделал паузу, давая собеседнику время осмыслить его слова, а потом добавил настойчивым тоном: – Поверь, так будет лучше для всех. Пока ты будешь в рейде, Совет епископов немного успокоится, да и язычникам, при любом возможном исходе, все равно будет лучше, чем на кресте или на костре. Вряд ли стоит сомневаться, что Старейшины изберут для них какую-то иную форму спасения.

Он опять замолчал. Уимон сидел за креслом, боясь вздохнуть. Иззекиль долго молчал, а потом устало сказал:

– Вы должны дать мне немного времени, генерал Закария.

– Мы с Ноем остановились у патера Еноха и пробудем там еще три дня. Прости, но это все, что я могу для тебя сделать.

– Спасибо, генерал. Этого пока достаточно.

Судя по грохоту каблуков, сразу после своих слов Иззекиль отправился в дом. Генерал задержался. Он подошел к перилам, облокотился на них своими короткими, сильными руками и некоторое время смотрел на грозовые тучи, ушедшие далеко на запад. Последние лучи зашедшего солнца окрасили их в кроваво-красный цвет. Генерал скрипнул зубами:

– Господи, ну почему ты не покараешь это скопище болтунов и интриганов?! Из-за них я почти потерял своего лучшего офицера.

Вопрос, как и подавляющее большинство подобных вопросов, обращенных к данному высокому лицу, обречен был остаться без ответа. Впрочем, генерал и не надеялся получить ответ. Он выпрямился и уверенным шагом покинул террасу.

Уимон тихонько выбрался из-за кресла-качалки и, хотя поблизости никого не было, на цыпочках добежал до лестницы. Спускаясь по крутым ступенькам, он вдруг подумал: «Если эти люди считают тех, кто ими правит, сборищем болтунов и этих самых непонятных интриганов (мальчик не знал, что означает это слово, но ему было ясно, что это что-то плохое), то почему они им все-таки подчиняются?»

Вечер прошел мрачно. Иззекиль угрюмо молчал и почти ничего не ел. Так, немного покоялся в своей тарелке и, отодвинув ее, вышел на крыльцо. Он вернулся, когда отец уже ушел

в спальню, а Уимон убирал со стола. Иззекиль уселся в свое любимое кресло у камина и, все так же угрюмо хмурясь, уставился на мальчика. Уимон понял, что его взрослый товарищ не знает, как начать неприятный разговор. Он поставил тарелки на стол, повернулся к Иззекилю и спросил:

– А кто такие «кроты»?

Тот пристально посмотрел на него.

– Где ты слышал это слово?

Мальчик смутился:

– Я-аа... – Он замолчал, чувствуя, что правда будет не очень приятна Иззекилю, но в то же время испытывая подсознательную уверенность в том, что вопрос был задан вовремя. И что он должен помочь своему взрослому другу начать неприятный, но, увы, неизбежный разговор. – Когда ты говорил с генералом, я был на террасе.

Иззекиль покачал головой:

– Нехорошо подслушивать разговоры старших. – Он долго смотрел на мальчишку, прикидывая, как поступить, а затем шагнул к столу и уселся на лавку. – Понимаешь, Уимон, среди нас, тех, кого вы зовете «дикими», есть много разных людей. Мы, люди Господа, стараемся жить по его заветам. Не сильно вмешиваясь в жизнь остальных. Кое-кто, в основном бывшие военные и их потомки, называющие себя людьми капониров, пытаются изображать из себя непримиримых борцов. Третьи отринули всех и живут в одиночку. Есть еще много других. Мы даже не знаем, сколько нас всех. В отличие от Прежних, мы не можем общаться с теми, кто живет далеко от нас. Но мы знаем, что таких много. Контролеры думали, что те, кого они не уничтожили, напав на нашу планету, вымрут сами по себе, но они просчитались. Мы выжили и нас стало гораздо больше, чем в первые годы после Захвата... – Иззекиль замолчал, давая мальчику время переварить его слова. – «Кроты» тоже избрали свой путь. Среди них большую роль играют те, кто откололся от военных. Поэтому сами «кроты» называют себя «Армией освобождения Земли». Они нападают на куклосы и их обитателей. И уводят их к себе... – Иззекиль опять замолчал, но видно было, что он не закончил. Просто он не мог сообразить, как рассказывать дальше. То, о чем он собирался рассказывать, у него самого вызывало отвращение. Но мальчик спокойно смотрел на него, и Иззекиль продолжил: – Они заставляют их работать в шахтах, разбирать завалы в сожженных городах – там, где большая радиоактивность... – Вспомнив, что мальчик не знает, что означает это слово, пояснил: – Это такое нехорошее место, где люди быстро умирают. И потому там постоянно нужны... новые работники.

– И ты должен уехать, чтобы освободить этих людей?

– Ну, в общем, да.

– А почему только сейчас?

Иззекиль смутился:

– Они... ну просто... напали на одну из наших деревень...

Мальчик с минуту сосредоточенно размышлял:

– Значит, пока они крали людей из куклосов, вы их не трогали?

Иззекиль, грустно улыбаясь, попытался оправдаться, не совсем понимая, зачем он это делает, но чувствуя, что так нужно.

– Уимон, мы не можем драться сразу со всеми. К тому же «кроты» доставляют нам много, без чего мы не можем обойтись. В обмен на наше продовольствие... И потом, главное сейчас не это.

Он опять замолчал, никак не решаясь перейти к тому, что считал этим главным, и мальчик вновь пришел ему на помощь:

– Я знаю. Мы с отцом должны уйти.

Иззекиль с хрустом сжал кулаки и отвернулся. Наступила тишина. Потом Уимон подошел к Иззекилю и, положив руку ему на плечо, произнес:

– Не расстраивайся. Я навсегда запомню этот год. К тому же в куклосе нам действительно будет лучше. Вдруг бы с тобой что-нибудь случилось? Тогда мы бы недолго здесь прожили.

И от этого недетского вывода, прозвучавшего из уст ребенка, Иззекилю стало жутковато. И еще от того, что мальчик был абсолютно прав. Иззекиль протянул руку и пригладил мальчишке торчащие космы.

– Ладно. Давай спать. У нас завтра нелегкий и долгий день.

Утром они встали рано. Уимон с отцом привычно напоили скот и выгнали его на пастбище. Иззекиль уложил вьюки и оседлал лошадей.

Завтрак прошел в молчании. Они поглощали пищу, избегая встречаться взглядами друг с другом. Но Уимон заметил, что отец радостно возбужден. А ему, наоборот, было грустно. Хотя он уже свыкся с мыслью, что рано или поздно им придется уйти. Неприязнь прихожан стала уж слишком очевидной. И упрямство Иззекиля ничего не могло изменить.

Они выехали сразу после завтрака. От вчерашней грозы не осталось и следа. В ослепительно-голубых небесах ярко сияло солнце. Но у одного из троих путешественников на душе было так темно, как черны были вчерашние тучи.

К полудню они отъехали от селения миль на двадцать. Уимон разложил костер и занялся приготовлением немудреного обеда. Вдруг там, откуда они приехали, послышался гулкий грохот. Иззекиль вскочил. Грохот повторился, потом еще раз и еще... Иззекиль подбежал к своей лошади, вскочил в седло и дал шенкеля. Когда дробный топот утих, Уимон повернулся к отцу. Торрей смотрел вслед ускользавшему с возбужденно-красным лицом. Почувствовав взгляд сына, он сказал:

– Это Высшие. Они пришли наказать нечестивых.

Уимон ничего не ответил отцу и пошел к лошадям. Он взобрался в седло и тронул коня. Торрей проводил сына потерянными глазами и затем принялся собирать вьюки.

Когда они добрались до места, от селения ничего не осталось. Обожженные до черноты трупы людей, неглубокие ямы, засыпанные густым черным пеплом, на месте строений, там, где когда-то стояла церковь, они увидели искореженные останки какой-то машины и два трупа чудовищных существ, представлявших собой странное соединение необычайно крупных мужчин и страшно-угрожающих металлических конструкций, вживленных в их тела и головы. На почерневшем от взрыва выступе машины, сгорбившись, сидел Иззекиль. Уимон соскочил с седла и бросился к нему. Но тот даже не пошевелился. Торрей медленно сполз на землю и, благоговейно поклонившись изуродованным останкам, боком отошел в сторонку. Иззекиль заметил этот торопливый, но почтительный поклон. Он поднял голову и, полоснув Торрея злобным взглядом, прорычал:

– Уходите.

– Но, Иззекиль... – начал Уимон, однако тот не дал ему закончить.

Он вскинул ружье и передернул цевье.

– Уходите, вы...

Торрей торопливо схватил сына за руку и потащил за собой, приговаривая:

– Пойдем, пойдем...

Когда они покидали это место во второй раз, у Уимона было гораздо чернее на душе. Но он отчего-то знал, что это не последняя его встреча с Иззекилем.

8

Е-7127 перекинул ноги через борт и прыгнул на землю. Младший ОУМ уже двигался к нему. В воздухе стоял резкий запах гари. Операция была закончена совсем недавно. Отобранные особи, коих набралось более трех десятков разного пола, возраста и габаритов, находились в силовом коконе. Е-7127 развернул анализаторы и тщательно отсканировал местность. В радиусе устойчивого обнаружения не наблюдалось ни одного живого объекта, по массо-габаритным и температурным характеристикам напоминающего особь «дикого» генофонда. Это поселение, затерянное в экваториальных дебрях большого континента, который на большинстве ранее господствовавших языков назывался странным словом Африк, было полностью уничтожено. Все строения разрушены плазморазрядами, а трупы особей «дикого» генофонда, составлявших население этого поселения, сожженные лазерными импульсами носимых оружейных блоков, такты укладывали в одну большую кучу, чтобы тоже обработать из плазменного метателя. Младший ОУМ подошел и остановился за левым плечом. Это был один из наиболее перспективных младших ОУМов. Из последней серии. Но у него пока не было никакого боевого опыта. Собственного, естественно, поскольку в мнемоблоках каждого ОУМа хранилось достаточно информации о наиболее интересных и характерных схватках минувшего. Но любой военный – от такта до ОУМа – и даже любой из Контролеров прекрасно знали, что эффективность использования информации мнемоблоков примерно на порядок ниже полученной самим индивидуумом. Именно поэтому Е-7127 и взял этого ОУМа в состав десанта, где, несмотря на все свои многообещающие способности, парень вполне мог бы сложить голову уже в первом бою.

Старший ОУМ медленно двинулся вперед, рассматривая полусгоревшие трупы «диких» и остатки их одежды, утвари и оружия. Вариативность генофонда этой планеты действительно была впечатляющей. Например, данные особи имели настолько усиленную пигментацию кожи, что при сканировании только в видимом диапазоне казались практически черными. Кроме того, на иных континентах встречались особи с белой, желтой и красноватой кожей. И все это на одной и той же планете! Старший ОУМ остановился у валявшейся около черного пятна, оставшегося на месте сожженной хижины, сломанной палки со шнуром. В этой части материка такое приспособление было распространено среди «дикого» генофонда. Обычно они использовали его в качестве охотничьего приспособления. Причем довольно умело. А при проведении операций по зачистке даже пытались им обороняться. И неожиданно эффективно. На начальном этапе Е-7127 даже потерял около двух десятков тактов. Деревянные палочки, которые «дикие» наловчились метать из этого приспособления на небольшие расстояния, оказались смазаны каким-то сильным токсином. настолько сильным, что встроенные медблоки тактов не смогли с ним справиться. А пока «отключенных» доставляли в развернутый в комплексе зданий Планетарного Контроля полевой госпиталь, в основных нервных узлах уже успевали произойти необратимые изменения. И хотя теперь медблоки были перенастроены, до сих пор не удалось подобрать комбинацию, способную полностью нейтрализовать действие токсина. Хотя теперь попадание этих палочек вызывало только временный выход тактов из строя. Но «дикие», воспользовавшись серьезным, хотя и кратковременным нарушением ориентации у тактов, подбирались к ним и наносили непоправимые повреждения их человеческим компонентам. И вообще, ни один вариант действий, который они предварительно проигрывали с Первым Контролером Разрушителя, не воплотился в жизнь без многократного превышения уровня ожидаемых потерь. Расходы на восстановление боеспособности уже становились сравнимы с затратами на Обращение какой-нибудь планеты с уровнем развития не ниже «Эйч-7». Первое время это приводило человеческую составляющую старшего ОУМа буквально в «граничное» эмоциональное состояние, называемое среди низшего генофонда словом «бешен-

ство». Конечно, никто никогда не рассматривал возможность Обращения планеты одиночным Разрушителем. Но эта планета считалась Обращенной уже сорок с лишним лет назад! Впрочем, она показала себя еще во время Обращения. Такты всегда считались расходным материалом, хотя никто и не предполагал, что будут *такие* потери, но что эти примитивы, обладая столь скудными технологическими возможностями, умудрятся сбить почти два десятка кораблей флота вторжения, и среди них Базовый системный разрушитель, не ожидал никто. И ему следовало принимать это во внимание, когда он согласился выделить силы и средства на неплановую зачистку субтропической зоны. Это была обычная практика. Вытеснить «дикий» генофонд из зоны наиболее благоприятного проживания в неблагоприятные климатические зоны и предоставить возможность самостоятельно вымереть. И хотя всем уже было ясно, что стандартные варианты на этой планете не срабатывают, серьезное изменение подходов требовало слишком больших затрат. Несмотря на то что самые пессимистические его предположения по поводу уровня структурирования «дикого» генофонда пока не оправдались, уровень силового противодействия был таков, что только численность планетарного гарнизона нужно было увеличивать как минимум на порядок. Но пока все оставалось по-прежнему. Поскольку принять на себя ответственность за столь резкие изменения пока никто не решился. Хотя, возможно, эти изменения не за горами. Недаром сразу два Верховных Контролера проявили к этой планете пристальный интерес.

Из бота высунулся пилот и подслеповато повел глазами по сторонам. На его лбу и вокруг глазных впадин торчали целые гроздья разъемов и раструбов входных волоконных каналов, создавая странно-причудливую страшноватую маску со множеством пустых черных и блестящих металлических глазниц. Но все это оборудование создавало такую нагрузку на глаза, что даже специальные вживленные нервные волокна не справлялись с передачей изображения от сетчатки в мозг. Когда пилоты отключались от сенсорных комплексов своих летательных аппаратов, все они становились полуслепыми.

– Планетарный Контролер просит на связь ОУМ Е-7127.

Е-7127 переключил налобный модем на защищенный канал. В нервном центре сформировался голос Планетарного Контролера.

«Как идет зачистка?»

«Прошли двадцатый и двадцать второй сектор».

Последовала полусекундная пауза. А затем нервный центр вновь кольнул импульс вопроса.

«Когда думаете закончить с зоной? Рабочие должны начать подготовку площадей не позднее чем через тридцать дневных оборотов».

Е-7127 в течение полусотни миллисекунд проиграл возможные варианты, выбрал из них самый неблагоприятный и увеличил полученный срок в два раза, а потом осторожно ответил:

«Возможно, через двадцать-двадцать пять дневных оборотов».

Вновь последовала полусекундная пауза, а потом голос Контролера произнес:

«Вы осторожны, ОУМ. Похоже, эта планета вас кое-чему научила».

Е-7127 на мгновение отключился, чтобы саркастически фыркнуть – эта планета действовала на него настолько отрицательно, что он даже начал потакать своим пагубным эмоциональным компонентам, – и ответил:

«Вы правы, Контролер. Эта планета может научить кого угодно».

И вновь пауза. Е-7127 даже подумал, что Планетарный Контролер, отключаясь, подавляет ехидные смешки. Но это было бы уже совсем из ряда вон выходящим. Старшие Планетарные Контролеры стояли лишь на ступеньку ниже Верховных Контролеров, и столь вопиющее проявление эмоций было для них совершенно невозможным. Впрочем, на этой планете невозможное становилось вполне вероятным. Ну кто мог представить, что полуголые дикари

могут не только помыслить о сопротивлении, но и нанести потери полному пулу тактов?.. Но тут в нервном центре вновь возник голос Планетарного Контролера:

«Я положительно оцениваю ваш вывод. – И после секундной паузы: – Для вас пришло сообщение».

Е-7127 недоуменно мотнул головой. Эта фраза означала, что информация пришла откуда-то извне. Но обычно любые сообщения поступали напрямую в Центр связи Разрушителя и доходили до него через Первого Контролера. Какая информация могла прийти через Планетарного Контролера, он не мог даже предположить.

«Готов к приему».

В следующее мгновение на него обрушилась чудовищная волна разноцветных сполохов. Е-7127 благоговейно оцепенел. Только один вид разума Единения пользовался таким уровнем кода. Верховные Контролеры. К тому же он узнал этот код. Это был код Верховного Контролера Беграны.

Контакт длился всего несколько секунд. Но после него ОУМ вынужден был пару минут приходить в себя. Код Верховного Контролера оказывал воздействие, подобное тому, что получал человек, которому, скажем, в полной темноте внезапно ударила по глазам яркая вспышка. Поэтому, когда старший ОУМ решил наконец сделать шаг, то его слегка качнуло. Младший ОУМ бросил на руководителя обеспокоенный взгляд и чуть сократил дистанцию, выделив часть внимания на контроль состояния Е-7127, однако постаравшись, чтобы это было не слишком заметно. Впрочем, вокруг на дистанции надежного обнаружения, то есть в радиусе не менее пяти миль, не было никого, кто мог бы обратить внимание на такое нарушающее субординацию перераспределение порядка ответственности. Все такты были заняты своим конкретным делом, и им было глубоко наплевать на то, чем занимаются их командиры. Вот когда поступит команда... А сам Е-7127 был слишком ошеломлен полученной информацией, чтобы обращать серьезное внимание на что-либо еще. Он поспешно сбросил через модем распоряжение сворачиваться и возвращаться на базу и двинулся к боту. Младший ОУМ проводил его несколько озадаченным взглядом. Судя по тому что командир появился на точке сразу после окончания зачистки, он собирался провести подробную инспекцию. Но вот покидает точку спустя десяток минут после появления. Однако команда получена, и надо ее выполнять. Он повернулся и сбросил веерный импульс команды «Сбор».

Несмотря на то что Планетарный Контролер выделил для размещения исследовательского отряда с Разрушителя специальный сектор, Е-7127 приказал пилоту сразу стартовать к Разрушителю, запарковавшемуся на низкой динамической орбите. Пилот несколько минут щелкал тумблерами, набирал коды, поводя из стороны в сторону лицевым интерфейсом со свисающим впереди жгутом волоконно-оптических кабелей, из-за чего его голова очень сильно напоминала морду лангуста. Хотя ни один из пассажиров бота не имел ни малейшего представления о том, как выглядит морда лангуста. Наконец пилот последний раз перещелкнул парой тумблеров и запустил стартовую программу. Е-7127 знал, чем вызвана подобная неуверенность пилота. Боты были предназначены в первую очередь для полетов в атмосфере. И хотя их конструкция предусматривала подъем на динамическую орбиту, но, как правило, для этого использовались орбитальные шаттлы, обладающие и более мощными двигателями, и достаточным запасом топлива. А для бота это была задача на пределе возможностей. Так что пилоту пришлось проиграть несколько десятков вариантов траекторий, графиков стартовых ускорений и подходов к Разрушителю, прежде чем нашелся не просто наиболее оптимальный, а хотя бы реально возможный. Но ОУМ это не беспокоило. Пилоту была поставлена задача, и как добиться ее выполнения – его проблема. А если решения не существует, он просто доложит об этом. Но, судя по тому, что пилот запустил стартовый отсчет, он нашел решение.

Пока бот, натужно ревя перегруженными двигателями, карабкался вверх, Е-7127 еще раз проанализировал полученную информацию. Он так и не понял ни того, почему Верхов-

ный Контролер Беграны использовал для передачи Планетарный узел связи, ни того, зачем он вообще обратился напрямую к столь ничтожному исполнительному механизму, как старший ОУМ одного из своих Разрушителей, но, как и любой Измененный, не стал особо мучиться этими вопросами. Верховные Контролеры всегда поступали так, как считали нужным. И это всегда считалось правильным. Поскольку и сами правила устанавливали именно Верховные Контролеры.

Код Верховного Контролера не был им до конца расшифрован. Но Е-7127 это не волновало. Так было всегда. Верховный Контролер был разумом столь высокого порядка, что его распоряжения всегда несли в себе как бы несколько смысловых уровней. Каждый из которых был предназначен разуму определенного уровня. Е-7127 не сомневался, что Первый Контролер Разрушителя сумеет понять из послания Верховного Контролера намного больше, чем он сам. Впрочем, то, что касалось его уровня ответственности, он уяснил абсолютно точно. Верховный Контролер Беграны заинтересовался местным генофондом и дал указание расширить программу исследований. Основным компонентом программы теперь становились исследования индивидуальных особенностей различных представителей местного «дикого» генофонда. И значит, теперь главной задачей для десантного отряда была не только комплексная оценка, проводимая параллельно с зачисткой территории, осуществляемой по заданию Планетарного Контролера, а в первую голову – отлов и отбор наиболее интересных особей. Это требовало усиления десантной группы, так как возможности силового подавления сопротивления дикого генофонда резко сужались. Кроме того, чуть ли не на порядок увеличиваются потери. Да и ареал поиска следует расширить. Но обратиться с таким вопросом к Планетарному Контролеру ОУМ мог только в статусе исполнительного механизма Первого Контролера Разрушителя.

Двигатели бота взвыли последний раз и отключились. По-видимому, напряжение все-таки оказалось для них слишком большим, потому что со стороны двигательного отсека заметно потянуло гарью. Но пилот продолжал работать, не обнаруживая никаких признаков тревоги. И ОУМ продолжал спокойно анализировать возникшие варианты.

Похоже, они действительно сожгли двигатели бота. Спустя пятнадцать минут над верхним блистером показалась громада орбитального шаттла. Пилот чуть повернул голову влево – ему не нужно закидывать подбородок, поскольку лицевой интерфейс предоставлял круговой обзор, – и легким движением руки коснулся пары клавиш. Крылья бота втянулись в бортовые обтекатели, и почти сразу же сзади надвинулся раскрытый зев загрузочного люка шаттла. Бот с гулким звуком ударился о ребристый пол трюма, притянутый местным гравиполем шаттла. Пластальная плита люка, в планетарных условиях обычно служащая трапом, встала на свое место. Но Е-7127 этого уже не видел. Он поднялся, разблокировал аварийный выход и вышел наружу, раздвинув плечом туго обтянутую его одностороннюю мембрану. В трюме царил абсолютный вакуум и температура, близкая к абсолютному нулю. Но эти факторы могли доставить ему лишь небольшое неудобство. Такты были приспособлены и к действиям в открытом космосе. Правда, для этого они обычно оснащались набором специального снаряжения, но сотни шагов до внутреннего шлюза он вполне мог преодолеть и без специального снаряжения. Подбор был выполнен безукоризненно, и у него не было никакого желания терять время. Тем более что Первый Контролер, наверное, мог бы более четко объяснить ему смысл пожеланий Верховного Контролера.

Базовый системный разрушитель был гигантским кораблем. По существу, это был искусственный мир, населенный более чем тридцатью тысячами разумов. От самых примитивных, основной функцией которых было поднятие и перемещение тяжестей, до Первого Контролера, искусственно выращенного разума, чья интеллектуальная мощь уже была сравнима с мощью Верховного Контролера. Этот корабль-монстр имел вид кристаллической друзы, центральный кристалл которой имел длину почти пять километров, остальные кристаллы были намного меньше. Часть из них примыкала к центральному корпусу вплотную, а часть расходилась в

стороны, образовывая нечто, похожее на короткие и толстые крылья. Издали казалось, что вся поверхность исполинского корабля была густо усыпана наростами, представлявшими собой антенные блоки, узловые излучатели, спарки непосредственной обороны и иные устройства, необходимые для полета и боя. На самом деле одно устройство располагалось от другого на расстоянии не менее двух сотен метров.

Когда шаттл подошел к Разрушителю на расстояние двадцати километров, в средней части огромного корпуса открылись ворота ангара, похожие на мелкую оспинку. Но, когда дистанция сократилась до нескольких десятков метров, стало ясно, что эти ворота способны пропустить внутрь одновременно четыре подобных шаттла. Но ОУМ не обращал никакого внимания на эту величественную картину. Она была привычна. Е-7127 успел обменяться с Первым Контролером идентификационными кодами-приветствиями и запросить разрешения на обмен в условиях максимальной защиты. Бесстрастный голос Первого Контролера ответил:

«Доступ на Командный уровень через восьмую лифтовую шахту».

Старший ОУМ поднялся до Командного уровня и двинулся по широкому коридору. Коридор был почти пуст. Только у развилки мерно гудел ремонтно-уборочный комплекс, над которым торчала безволосая голова оператора. Это был крайне мощный, но крайне примитивный комплекс. Управляемый не менее примитивным разумом. Основной задачей конструирования Измененных было создание вот таких идеальных исполнительных механизмов. Они были вершиной функциональности. Ни одна самопрограммирующаяся электронно-механическая система не имела такой степени автономности и ремонтпригодности, в то время как их препарированные мозги были сосредоточены только на качественном выполнении узкого перечня функциональных задач. Так что, хотя любой Измененный по отношению к низшему генофонду считался Высшим, мыслительные способности этого индивида были намного ниже, чем у самого тупого жителя куклоса любой из планет Единения. И большинство тех, кто подвергался Изменению, становились именно такими примитивными исполнительными механизмами. Впрочем, землян среди этого большинства практически не было. Способности здешнего генофонда были настолько уникальными, что большинство отобранных для Возвышения пока еще даже не были пущены в дело, так как подвергались интенсивным исследованиям на Лунной базе.

Коридор сделал последний поворот, и ОУМ оказался перед огромными двухстворчатыми дверями, ведущими в Центральный командный комплекс. Разум Первого Контролера был рассеян по множеству управляющих модулей и мнемоблоков, располагавшихся в десятках, сотнях и тысячах защищенных консолей по всему кораблю. Но стандартные процедуры требовали при обмене информацией подобного уровня обеспечить максимально возможный уровень защиты. А самым защищенным местом любого корабля всегда являлся Центральный командный комплекс. Всякие контакты между носителем и посторонними до обеспечения требуемого уровня защиты должны быть исключены. Этим и объяснялась пустота лифтового холла и коридоров. Впрочем, не абсолютная. Но кто будет принимать во внимание уборщиков?..

На Землю Е-7127 вернулся только через шесть дней. За прошедшее время с борта Разрушителя было переброшено на поверхность Земли почти шестьсот тонн аппаратуры, семьдесят дополнительных единиц исследовательского и технического персонала и два полных пула тактов. А также получено разрешение Планетарного Контролера на расширение ареала поиска. От того, что ему предстояло сделать, старший ОУМ испытывал легкий дискомфорт. Вообще-то эта задача для опытного Контролера второго уровня, а отнюдь не для профессионального военного, и поначалу они с Первым Контролером рассматривали возможность поставить во главе экспедиции Контролера-аналитика. На любой другой планете это решение было бы принято к исполнению. Но не на Земле. Эффективность исследовательской программы в случае принятия такого решения приближалась к девяноста трем процентам, но когда они попыта-

лись посчитать вероятный уровень потерь... Так что Е-7127 вновь возвращался на поверхность Земли, и... он внезапно поймал себя на том, что такое решение ему отчего-то чертовски нравилось. В этой планете было что-то невероятно привлекательное. Все – леса и равнины, реки и озера, горы и долины, океаны и даже сам воздух притягивали его какой-то диковато-воинственной красотой. И даже «дикий» генофонд этого мира, самое грязное, что может встретиться в подобных новообращенных мирах, и тот отличался, так как «дикие» не просто прятались по углам, оттого что не имели сил сохранить прошлое и отчаянно боялись того Великого будущего, которое несло в себе Обращение. Они продолжали бороться. На других планетах, жители которых считали себя венцом мироздания, эти жители превращались в жалких беззубых крыс, обреченных на медленное и неотвратимое угасание. Но земляне были не такими. Эти крысы имели зубы и не боялись пускать их в ход. А их укусы всегда оказывались неожиданными и довольно болезненными. Они, как бы ни абсурдно звучала эта мысль, до сих пор пребывали в готовности забрать обратно свою планету. И ОУМу это нравилось. Конечно, такое чувство было серьезной уступкой человеческой составляющей, но, похоже, Земля действовала так не только на Е-7127. Как он недавно узнал, Планетарный Контролер действительно имел привычку ехидно скалиться во время сеансов связи.

9

– Эй ты, уродец, ну-ка просыпайся.

Уимон оторвал голову от валика, скатанного из свалявшихся и подгнивших остатков лосиной шкуры, и тут же охнул, поскольку сразу же за этими словами последовал чувствительный пинок в бок. Мальчик резво вскочил на ноги и подобострастно вытянулся. Имнак-самец окинул его презрительным взглядом и, брезгливо сплюнув через оттопыренную нижнюю губу, отошел в сторону. Уимон потер кулаками слипающиеся глаза. Вчера он с другими детьми до поздней ночи перебирал просо, приготовленное на обмен. Сегодня на рассвете уходил караван в соседний куклос, и надо было подготовить двенадцать мешков. Асликан-родитель весь вечер ругался, что не успевают к сроку. Но они успели. Однако, если другие дети, сладко посапывая, еще видели сны, ему уже надо было вставать, чтобы помогать кухаркам. Уимон зевнул еще раз, потер глаза и, поеживаясь, натянул через голову рабочую одежду – джутовый мешок с дырами для рук и головы. Пора было приниматься за работу. У Имнака, как и у любого самца, был отвратительный характер: он обязательно зайдет на кухню поглядеть, как Уимон там справляется. И если его там не окажется...

Они с отцом добрались до этого куклоса уже на исходе зимы. Дорога оказалась трудной. Дважды они чуть не погибли. Первый раз, когда в гольцах попали в сильный буран и потеряли всех лошадей и все снаряжение. Даже охотничий арбалет отца. Слава богу, весь запас соли и сушеного чеснока отец нес на себе. А второй, когда отцу на протяжении двух недель не удалось добыть ни кусочка мяса. Они тогда совсем обессилели от голода. И выжили только чудом: еле передвигавший ноги Уимон рухнул в сугроб, его руки случайно нащупали что-то еще более холодное, чем снег. Это была заледеневшая тушка дикого голубя. Закостеневшие на морозе крылья птицы были раскинуты в стороны. Значит, голубь умер прямо в полете. Мяса в этой птице, которая обессилела от голода ничуть не меньше, чем они, почти не было, но отец насобирал хвороста и сварил бульон, которого им хватило на два дня. А на третий отец сумел подбить камнем пару зайцев-зимников.

Родной куклос встретил их мертвой тишиной. Барьер был почти полностью засыпан снегом, им стало ясно: проходами в Барьере не пользовались с начала больших снегопадов. Они все-таки подошли поближе и попытались покричать, хотя и не особо надеясь, что их кто-нибудь услышит. Когда до Барьера оставалось около десятка шагов, спрятанные под снегом стрекательные плети зашевелились и попытались развернуться навстречу угрозе. Но их движения были такими судорожными и неуклюжими, что Торрею и Уимону стало ясно: куклос необитаем, причем уже давно. Настолько давно, что даже Барьер, лишенный зимней подпитки от людей, начал постепенно отмирать. Для отца и сына это не стало неожиданностью. Уж очень важна была та, осенняя, столь трагически прервавшаяся охотничья экспедиция. Возможно, что их родители не пережили уже прошлую зиму. Но пока есть надежда, человек упорно продолжает верить в лучшее. Может быть, именно поэтому они так и не свернули ни на одну встретившуюся им тропу, ведущую к другим куклосам. Теперь надеяться было не на что. Уимон сел в сугроб, зачерпнул рукавицей горсть снега и утер вспотевшее лицо. Торрей еще раз окинул взглядом опустевшее родное гнездо, а затем, вскинув на плечо охотничье копье, молча двинулся обратно по тропе. Нужно было искать новое пристанище.

До того как они нашли куклос, где их наконец согласились приютить, им пришлось пройти еще четыре. И везде, несмотря на то что они сохранили свои идентификационные номера, им отказали в крове. В куклосах не просто не любили чужаков. Их боялись и смертельно ненавидели. Ну откуда, скажите, могли бы взяться приبلудные, если всю жизнь куклосов определяли мудрые Контролеры? Даже если по тем или иным причинам какой-то из

кукловос прекращал свое существование, из Енда поступали распоряжения, в которых были указаны все, кого требовалось разместить на новом месте. Но ЭТИ взялись неизвестно откуда. Так что они не имели никакого права ни на убежище, ни на сострадание. С каждым отказом Торрей становился все мрачнее и мрачнее, но ничего поделать было нельзя. Впрочем, за эти несколько месяцев они уже настолько свыклись с жизнью в лесу, что Уимон даже находил в этих отказах некоторый повод для радости. За прошедший год он вытянулся и окреп. И хотя по-прежнему вряд ли смог бы выделиться среди сверстников особой силой или выносливостью, однако сейчас его немощь уже была не столь заметна. Да и отец давно не бросал на него раздраженных взглядов. Лесное кочевье мальчику начинало нравиться.

Однажды вечером они сидели у костра. Ужин был сытный. Торрею удалось поймать в ручье пяток рыбин, а Уимон раскопал несколько еще крепких прошлогодних корнеплодов дикой моркови. От костерка шел жар, языки пламени тянулись вверх, по лесу разносился треск горящих сучьев. Мальчик смотрел на огонь. Отец сосредоточенно обжигал на огне конец ошкуренного дубового сука. Он срезал его около двух недель назад и каждый вечер осторожно подсушивал над углями. А сегодня решил, что пришло время заняться наконечником. Его старое охотничье копье пришло в негодность. Пока они обходились пращей и силками, но в воздухе уже пахло весной. А значит, проснутся медведи и лес станет гораздо более опасным.

Уимон помешивал похлебку, когда отец внезапно выпрямился и повернул голову. Мальчик насторожился. Они молча прислушивались: шум и треск ломаемых сучьев, злобное рычание. Отец вздрогнул и, повернувшись к мальчику, резко выдохнул:

– Шатун...

Мальчик побледнел, оба понимали, чем для них может окончиться столкновение с проснувшимся не в свою пору, озлобившимся и голодным медведем. Отец с отчаянием поднес к глазам сук. Наконечник заметно сузился, но до рабочего острия ему было еще далеко. Рев раздался снова. Но сразу же за ним послышались испуганные крики. Торрей и Уимон переглянулись, и мальчик решительным жестом вытащил из костра горящую ветку.

Первыми к костру подбежали четверо мужчин. Двое из них тащили на плечах третьего, а четвертый, с охотничьим арбалетом, припадал на левую ногу и все время оглядывался. Медведь появился почти сразу за ними. На поляне он остановился, озадаченный увеличением числа своих двуногих мишеней, но тут Уимон с размаху хлестнул его по морде горящей веткой. Медведь взревел и попятился. Торрей быстро перекинул недоделанное копье в левую руку и, выхватив из костра еще один горящий сук, хлестнул зверя по морде. Медведь снова попятился. Еще пара ударов – и медведь, глухо ворча, начал разворачиваться, собираясь поискать другой объект для того, чтобы выразить свое раздражение, но тут раздался звон тетивы. Медведь взревел, попытался лапой зацепить арбалетный болт, торчащий у него из шеи, и в ярости взвился на дыбы. Торрей отчаянно вскинул недоделанное копье и, вонзив его в широкую медвежью грудь, упер тупой конец в землю и навалился на него всем телом. Медведь заревел и, попытавшись дотянуться до дерзкого двуногого, упал на копье всей тушей. Копье прогнулось, но заостренный наконечник наконец прорвал толстую звериную шкуру и скользнул внутрь между ребрами. От отчаянного рева зверя, казалось, осыпались шишки с елей. Копье слегка повело, но Торрей и бросившийся ему на помощь Уимон отчаянным рывком выпрямили прогнувшееся и уже трещавшее древко. Зверь прынул назад, вырвав копье из их оцепеневших от напряжения рук, словно пытаясь убежать от вцепившейся в него боли. Но его лапы подогнулись, и он рухнул наземь, уронив голову в догорающий костер и подняв целую тучу искр.

Воцарилась оглушительная тишина. Люди ошарашенно пялились на поверженного хозяина леса, все никак не веря, что схватка закончилась и они живы. От упавшей в костер медвежьей морды потянуло паленой шерстью, и этот запах наконец заставил их поверить в то, что страшный зверь мертв. Они облегченно переглядывались, но вдруг руки прищельцев, сжимавшие копья и арбалеты, вновь напряглись.

– Этот медведь наш.

Торрей пожал плечами:

– Берите, – безразлично наклонился над котелком и помешал похлебку. Мальчик тихо опустился рядом.

Гости не двигались:

– Кто вы такие?

Торрей осторожно заговорил:

– Наш куклос... погиб. Все умерли. Мы были на охоте, но попали в буран. А когда вернулись, то... никого не застали в живых.

Мужчины недоверчиво молчали. Потом раненый приподнялся на локтях и что-то прошептал товарищу на ухо. Тот молча выслушал и, кивнув, повернулся к отцу и сыну:

– Вы из куклоса?

Торрей кивнул. Раненый несколько мгновений напряженно размышлял, а потом заговорил сам:

– Покажите ваши идентификационные знаки.

Раненый внимательно рассмотрел знаки, извлеченные из недр теплой одежды:

– Похоже, ты говоришь правду, охотник. Тем более что я слышал о том, что в «Эмд орн Конай» один из охотников имеет желтые волосы. Вот только дело в том, что куклос «Эмд орн Конай» окончил свое существование не этой, а прошлой зимой. Как долго длился тот буран, который не позволил вам просить у Контролера милости убежища этим летом? Не можешь объяснить?

Несколько мгновений они бодались взглядами, но затем Торрей отвел глаза и глухо произнес:

– Это долго рассказывать.

Раненый подтянул руками ногу, устроил ее поудобней и демонстративно откинулся спиной на промерзший пенёк.

– Что ж, ночь длинная, рассказывай.

Когда Торрей закончил отвечать на вопросы, рассвет уже окрасил верхушки сосен. После того как охотник замолчал, раненый несколько минут задумчиво морщил лоб, а потом сказал:

– Ну что ж, я не знаю, насколько это правда, но... я склонен вам поверить. Однако вы должны понимать, что, осквернив себя таким долгим общением с «дикиими», вы уже не можете рассчитывать на то, что к вам будут относиться так же, как к остальным. Но... я готов предоставить вам кров и пищу. – Он бросил взгляд на медведя, которого уже успели оттащить от костра и освежевать. – Нам нужны хорошие охотники.

Торрей согласно наклонил голову, прежде чем осторожно спросить:

– Могу я узнать, как твое имя?

Это был разумный вопрос. Вряд ли простой охотник мог так уверенно предлагать им кров и пищу. Хотя если бы не год, проведенный в мире «диких», Торрей никогда бы не осмелился предположить, что в охотничьей ватаге окажется кто-нибудь из столпов куклоса. Раненый усмехнулся:

– Я Имнак-самец из куклоса «Фрай трайк эмен».

Торрей и Уимон изумились. Самец! И куклос так просто отпустил своего самца в *зимний* охотничий поход! Но Имнак не дал им времени на изумление:

– Ну что уставились? Если я и обещал вам пищу, так только ту, что сумеете добыть сами. Так что живо за работу!

С того дня прошло уже почти семь месяцев...

Имнак-самец заглянул на кухню, как только Уимон там появился. Мальчишка уже успел схватить бадью с помоями и тащил ее к двери. Имнак посторонился и пропустил мальчика.

Когда Уимон уже опрокидывал бадью над питательной ямой Барьера, из кухни слышался раздраженный голос Имнака, прерываемый визгливой руганью кухарки. Мальчик усмехнулся. В отличие от его родного куклоса Имнак-самец, судя по разговорам старших, играл здесь первую скрипку. Он подмял под себя Родителя и увлеченно поучал всех, как им лучше делать свое дело. Куклосу это на пользу не шло. Даже та охотничья экспедиция, во время которой они встретились, была вызвана тем, что осенью Имнак-самец в пику Асликану-родителю и кухарке уверил всех, что мяса на зиму вполне достаточно. Да и то, что мальчик с отцом получили здесь кров и пищу, было всего лишь следствием того, что у Имнака обострились отношения со старшиной охотников. И самцу пришлось в голову, что ему бы не помешал свой собственный охотник. Именно поэтому Торрей с отцом до сих пор пребывали в куклосе на птичьих правах. Имнак пресекал всякие попытки сообщить в Енд об их прибытии и зарегистрировать их в качестве постоянных жителей куклоса. Но им приходилось терпеть. Если бы Имнак захотел их изгнать, ссориться с самцом из-за двух пришлых никто бы не стал. Хотя старшина охотников уже намекал Торрею, что был бы не прочь и дальше иметь такого охотника в своей команде. Четыре дня назад он выдержал долгую свару с Самцом, но отстоял свое решение взять Торрея в охотничью экспедицию. До сих пор Торрей выходил за Барьер, только сопровождая Имнака. Но в этот раз собирались идти на кабана, а среди охотников куклоса не было никого, кто хорошо знал бы повадки этого хитрого зверя. И если охота закончится успешно, их положение в куклосе серьезно упрочится. В общем, все еще могло сложиться хорошо. Надо только потерпеть.

К обеду стало ясно, что этот день явно не складывается. После утренней стычки с Имнаком кухарка гоняла всех почем зря. К тому же один из корней Барьера подкопался под основание котла, и это основание выбрало именно сегодняшний день, чтобы внезапно просесть, наклонив котел, который выплеснул на окружающих изрядную долю кипящего варева. Самому Уимону повезло. В этот момент он как раз волок очередную бадью с отходами к питательной яме. Но когда он, предвкушая, как сейчас поставит бадью на место и, ухватив миску с парой солидных кусков требухи, которые успел урвать, пока кухарка распекала кого-то в дальнем конце кухни, залезет в дальнюю кладовку и наконец-то набьет вопиющее от голода брюхо, ввалился к кухне, там стоял такой шум и крики, что ему сразу стало ясно, что и эти его надежды окончательно пошли прахом. Пока Уимон ошарашенно взирает на все происходящее, откуда-то вывернулся Имнак и засветил ему такую затрещину, что у мальчика круги пошли перед глазами.

– Ну что уставился, уродец?! – заорал он. – Живо за Оберегательницей!

Суматоха улеглась только к вечеру. Мальчугана шатало. За весь долгий день в рот не попало даже маковой росинки. Уимон отволоч последнюю бадью, на подгибающихся ногах добрал до дальнего угла и рухнул на тряпки. Последней его мыслью было: «Надо потерпеть...»

Следующее утро началось опять с пинка. Накануне Уимон так и заснул в кухне, не найдя сил добрести до отведенного ему угла в общей пещере. Ярость Самца была вызвана тем, что он не сразу отыскал приبلудного и тому удалось урвать лишние полчаса утреннего сна. Мальчуган спросонья взвыл и попытался вывернуться, но Имнак остановился, когда совсем запыхался.

– Это научит тебя не прятаться от меня по углам, уродец, – злобно прорычал он, переведя дух, – а теперь нечего расслаиваться – живо за работу.

День прошел сносно. В обед кухарка, видно пожалев парня, так заморившегося вчера, сама сунула ему в руку миску с отличными кусками требухи и, развернув за худенькие плечи, слегка подтолкнула в угол, в котором он провел ночь. Пока он ел, Имнак на кухне не появился. Так что к вечеру Уимон слегка повеселел. И до возвращения отца оставалось всего ничего. Он мог вернуться уже и завтра.

Следующее утро началось просто отлично. То ли Имнак проспал, то ли еще что помогло, но мальчуган успел проснуться до того, как обутая в крепкие мокасины из оленьей шкуры нога Самца обходила его многострадальный бок. Уимон уже волок первую бадью с отходами к

питательной яме Барьера, когда Имнак вышел во двор. Самец проводил его кислым взглядом, рывкнув:

– Шевели ходулями, уродец.

Сразу после завтрака в куклос прибыл посыльный, принесся весть из Енда, от самого Контролера. Имнак и Асликан-родитель подобострастно выслушали заморенного посланца, поднесли ему суму с барьерным корнем и кусками вареного мяса, а потом долго ругались друг с другом, то ли из-за этой вести, то ли по привычке. Потому первую половину дня Уимон был лишен настойчивого внимания Самца. И его настроение взлетело до немыслимых высот. Но именно в этот день судьба приготовила ему самый страшный удар.

Это произошло в обед. Мальчик сидел в своем углу и, обжигаясь, торопливо поглощал горячую похлебку, как вдруг в кухню ввалился Асликан-родитель и подхватил миску со свежим барьерным корнем, который специально держали, чтобы накормить охотников, когда они возвратятся. Уимон, давась, рванул за ним.

И в самом деле вернулись охотники. Им уже вынесли корень, но надо было подождать, пока он будет усвоен их организмами и охотники смогут беспрепятственно преодолеть Барьер. Уимон шнырял между собравшимися у Барьера взрослыми, не обращая внимания на то, что те провожают его кто нарочито безразличным, а кто и жалостливым взглядом, затем метнулся на кухню, собираясь быстренько отволочь еще одну-другую бадью, а потом спокойно дожидаться отца. Но кухарка тут же взяла его в оборот, заставив отдраить мясную колоду, потом нашла еще какую-то работу, так что, когда он наконец сумел вырваться и выскочить на двор, охотники уже были здесь. Он протолкался сквозь толпу, невольно обратив внимание на то, что все были как-то странно сдержанны. Но когда он выбрался на середину круга, то причина этой сдержанности предстала его глазам. В центре стояло четверо носилок. Но на них лежали отнюдь не куски копченого кабаньего мяса. Носилки были заняты изуродованными телами четырех охотников. Уимон несколько секунд тупо пялился на ближние к нему носилки, а потом зажмурил глаза. На ближних носилках лежало тело его отца.

Часть II

Кусачие крысы

1

Потомственный старшина Второй батареи Восьмого гвардейского дивизиона капонира «Заячий бугор» Леонид Пянко выпрямился, стукнул себя кулаком по затекшей пояснице и досадливо поморщился. Пожалуй, сеть еще могла бы продержаться некоторое время, но если он ошибается и эти узлы уже на последнем издыхании, то в лучшем случае рыбалка пойдет насмарку, а в худшем – они потеряют сеть. А где в наше время можно разжиться доброй капроновой сетью? Он пару минут сосредоточенно размышлял, а затем поглядел на косогор, где переминалась с ноги на ногу небольшая ватага детей, в основном мальчишек. Старшина добродушно усмехнулся и, сурово насупив брови, попросил:

– Эй, ребята, пусть кто-нибудь сбегает в палатку и принесет ремкомплект.

В общем-то это была сумка, в которой лежали запасные нити, иглы и воск. Но у людей капониров все имело свои, отличающиеся от принятых у обычных людей просто названия.

Почти вся ватага сорвалась с места и рванула вверх по склону. Только худенький, невысокий паренек и очень похожая на него девчушка чуть помладше остались на месте. Старшина одобрительно покачал головой. Пожалуй, из этих двоих могут со временем получиться толковые Рядовые. Затем он выбросил этих сопляков из головы, с хрустом потянулся и вновь склонился над сетью.

Олег неслышным охотничьим шагом приблизился к этому загадочному человеку. Люди капониров пришли в их поселение вчера ночью. За свои неполные двенадцать лет мальчик слышал о них довольно много. Но все, что он слышал, было отрывочно и противоречиво. Из этого вороха сведений детский ум запомнил только то, что где-то в глуши лесов существуют люди, которые обладают остатками тайного могущества Прежних и собираются со временем уничтожить канскебронов и их прихвостней, именуемых народом куклосов. Большинство взрослых, правда, считали их немного чокнутыми, а некоторые вообще полными кретинами, которые никогда ничего хорошего не добьются, а могут сделать только хуже. Но все эти разговоры перечеркивал тот факт, что любое упоминание о людях капониров все взрослые всегда заканчивали одинаково:

– Ежели они тебе встретятся, сынок, не вздумай их задирать. Выслушай, чего они скажут, и сделай, как говорят. А лучше отойди в сторонку, ежели заметишь их прежде, чем они тебя.

И это возносило любого человека из людей капониров на почти недостижимую высоту.

Мальчик сделал еще шаг и, вытянув тощенькую шею, уставился на заскорузлые пальцы мужчины, склонившегося над сетью. На первый взгляд эти пальцы ничем не отличались от пальцев Родиона-рыбака или любого из его артели. Да и сеть была очень похожа, обычная – трехстенка. Вот только материал, из которого она была изготовлена, какой-то другой. Нити более тонкие и блестящие. И рыбак одет не в порты и рубаху, а в брюки и куртку со множеством карманов и со странными ремешками на плечах. А в остальном мужик как мужик. И не особенно и здоровый. Федор-кузнец, пожалуй, поздоровее будет. Да и Полуня-коновод тоже. Если его против них в «стенку» поставить в субботнем потешном бою. Олег задумчиво потерся щекой о плечо. Впрочем, все это только на его взгляд. А мальчик к своим двенадцати годам уже успел понять, что его взгляд на окружающую жизнь отличается от других. Детям этот человек казался совершенно необычным. И все потому, что у него эта куртка с ремешками и живет

он с товарищами в странных походных шатрах, которые люди капониров называли странным словом «палатка».

Старшина Пянко поднял голову и в упор взглянул на любопытную парочку, рискнувшую подобраться почти вплотную. Дети и на этот раз отреагировали необычно. Девочка тихо ойкнула и спряталась за брата, а парень только чуть набычил голову, но остался на месте. И даже не отвел глаза. Старшина опять усмехнулся и провел широкой ладонью по выбритой голове.

– Интересуешься, из чего сделана сеть, парень?

Мальчишка еле заметно повел подбородком. Пянко даже почудилось, что это означает не просто согласие, а этакое разрешение продолжать разговор. Но подозревать такое высокомерие к нему в худом жилистом пацаненке было просто глупо, поэтому он доброжелательно пояснил:

– Этот материал называется капрон. Сейчас его делать не умеют, но в старые времена его наделали достаточно много. Так что даже в наше время еще можно встретить изготовленные из него вещи, понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.